

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

Кафедра «Уголовное право и процесс»

40.03.01 Юриспруденция

Уголовно-правовой

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему Захват заложника

Студент

Р.Т. Насырова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

П.А. Румянцев

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к защите

Заместитель ректора - директор
института права,

канд. юрид. наук, доцент, С.И. Вершинина _____
(личная подпись)

«_____» _____ 2017г.

Тольятти 2017

Аннотация

Настоящая бакалаврская работа посвящена исследованию вопросов, связанных с понятием захвата заложников, признаков, видов, вопросов квалификации.

Цель бакалаврской работы заключается в теоретическом решении проблемы о природе и механизме действия уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за захват заложников.

Объектом исследования является сфера общественных отношений, в рамках которых совершается захват заложников и реализуются нормы уголовного законодательства об ответственности за захват заложников.

Предмет исследования включает уголовно-правовой аспект борьбы с захватом заложников, охватывая законодательство об ответственности за захват заложников, научные труды, посвященные данной проблеме и законодательную базу борьбы с захватом заложников, практические наработки в области квалификации данных деяний, а также деятельность правоохранительных органов в этой сфере

Работа написана на основе обширного круга источников, включающего как учебную и специальную литературу, так и правовые акты.

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования.

В первой главе мы рассматриваем историю развития уголовного законодательства России о преступлениях против общественной безопасности: это общие положения о преступлениях против общественной безопасности и история именно нормы, касающейся захвата заложников, раскрываем ответственность за захват заложников по международному уголовному праву и по российскому законодательству.

Во второй главе мы раскрываем объективную и субъективную стороны преступления, квалифицированные виды преступления и отграничение захвата заложник от похищения человека.

Объём работы в целом составляет 71 лист.

Содержание

Введение.....	6
Глава 1. История развития норм о захвате заложника	9
1.1. Происхождение нормы по российскому законодательству	9
1.2. Захват заложников: зарубежная практика	13
1.3. Уголовная ответственность за захват заложников	28
Глава 2. Особенности квалификации захвата заложника	35
2.1. Объективные и субъективные признаки состава преступления	35
2.2. Квалифицированные составы преступления	38
2.3. Отграничение захвата заложника от похищения человека	46
Заключение.....	60
Список используемой литературы.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Одним из опасных преступлений против общественной безопасности является захват заложника.

Этот способ в истории человечества политического воздействия на органы власти, освобождения от грозящего или отбываемого наказания известен давно. Однако обширное распространение он получил во время второй мировой войны, а также и в последние годы. В России и странах СНГ, которые практически не знали подобных преступлений, в настоящее время оно стало обычным явлением. Это объясняется политическими, экономическими, социальными и национальными катаклизмами, определенной слабостью новой государственной власти, растерянностью общества, которое не приспособилось за столь короткий период к совершенно новым реалиям. И появление в Уголовном кодексе статьи, которая карает захват заложников, является своевременным.

В последние годы в Российской Федерации наблюдается тенденция увеличения числа случаев захвата заложников и похищения человека.

Изучение и анализ практики борьбы с этими преступлениями в Москве показал, что по таким фактам в 1990 г. возбуждено 2 уголовных дела, в 1991 г. – 12, 1992 г. – 43, 1993 г. – 61, в первом полугодие 1994 г. – 68 уголовных дел¹. Эти показатели свидетельствуют о весьма неблагоприятной динамике названных преступлений.

Так, в период с 1994 г. по 2007 г. в России совершено более 5 массовых захватов заложников².

Появление в последние годы такого опасного преступления, как захват заложников, вызвало к нему значительный интерес со стороны специалистов-криминалистов. Он обусловлен как характером и степенью общественной опасности самого преступления, так и сложностью и недостатками законодательного определения этого преступления.

¹ Гаухман, Л., От ответственности за захват заложников и похищение человека [Текст] / Л. Гаухман, С. Максимов, С. Сауляк // Законность. – 1994. - № 10. – С. 43

² Воровьев, А. Похищение человека и захват заложника [Текст] // ЭЖ-Юрист. – 2015. - № 36. – С. 19-23.

Международная обстановка сегодня очень сложна, что делает актуальность статьи очевидной. Взрыв на борту российского самолета А321 в Египте, террористические акты в Париже, один из которых - захват заложников в концертном зале «Батаклан», свидетельствуют о том, терроризм угрожает всему прогрессивному человечеству. Именно поэтому данная статья посвящена захвату заложников как одному из наиболее страшных и жестоких способов совершения актов терроризма, поскольку суть захвата заложников - насильственное задержание людей с целью заставить государство, организацию или отдельных лиц выполнить определенные требования.

Терроризм имеет довольно много разновидностей, но в любой форме он является самой опасной по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям социально-правовой проблемой XXI столетия.

Теоретическую основу нашего исследования составили научные труды таких ученых, как Ю.М. Антонян, И.И. Артамонов, А.В. Бриллиантов, Л.Д. Гаухман, С.У. Дика-ев, А.И. Долгова, В.П. Емельянов, В.С. Комиссаров, Н.Ф. Кузнецова, О.Ю. Резепкин и др. Значительный вклад в теоретическое развитие данной темы внесли А.Г. Лоскутов, Н.Н. Козлова, С.Д. Гринько, В.А. Осипов, И.А. Журавлев, К.П. Анциферов и др.

Все специалисты, которые занимались исследованием данной проблемы, сходятся во мнении, что этот вид преступлений, имеет большой общественный резонанс и отличается особой дерзостью.

В специальной литературе опубликован ряд статей, посвященных анализу различных аспектов захвата заложников (статьи М. Лысова, Н. Беляевой, Т. Орешкиной, Э. Мурадова, Л. Гаухмана, С. Максимова, С. Сауляка, П. Скобликова, В. Бриллиантова, Г. Габибова, В. Комиссарова, Оганян Р.). Отмечая ряд бесспорных положительных моментов в позициях названных авторов, мы, однако, полагаем, что понимание сущности этого преступления, выработка эффективных критериев отграничения от смежных составов, а также предположений по совершенствованию ст. 206 УК невозможны без учета истории появления этого состава в действующем уголовном законодательстве.

Важную роль в противодействии захвату заложников как страшному социальному явлению играют органы внутренних дел. Обладая наибольшими среди правоохранительных структур возможностями по противодействию терроризму, они предпринимают значительные усилия, направленные на стабилизацию криминогенной ситуации.

Объектом исследования является сфера общественных отношений, в рамках которых совершается захват заложников и реализуются нормы уголовного законодательства об ответственности за захват заложников.

Предмет исследования включает уголовно-правовой аспект борьбы с захватом заложников, охватывая законодательство об ответственности за захват заложников, научные труды, посвященные данной проблеме и законодательную базу борьбы с захватом заложников, практические наработки в области квалификации данных деяний, а также деятельность правоохранительных органов в этой сфере

Цель бакалаврской работы заключается в теоретическом решении проблемы о природе и механизме действия уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за захват заложников.

Исходя из цели работы, ставим задачи работы:

1. Изучить литературу по данному вопросу.
2. Рассмотреть история развития уголовного законодательства России о преступлениях против общественной безопасности в общем и конкретно о захвате заложников.
3. Раскрыть объективную, субъективную стороны преступления
4. Рассмотреть квалифицированные виды преступления
5. Разъяснить отграничение захвата заложник от похищения человека
6. Выяснить ответственность за захват заложников по международному уголовному праву и по российскому законодательству

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НОРМ О ЗАХВАТЕ ЗАЛОЖНИКА

1.1. Происхождение нормы по российскому законодательству

Современное уголовно-правовое законодательство определяет захват заложника следующим образом: это противоправное завладение человеком, сопровождающееся лишением его свободы. Удержание заложника - это противоправное насильственное препятствие выходу заложника на свободу³.

Противоправные действия лица сопровождаются предъявлением государству, организации, отдельным гражданам требований совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника (например, требование предоставить ему оружие, наркотики, самолет или иное транспортное средство для перемещения за пределы государства; освободить арестованных или осужденных).

Иван Грозный практиковал своеобразное удержание в качестве заложников тех своих подданных, которые находились в опале. Способ воздействия на народы Кавказа посредством взятия заложников от ханств, городов, селений и просто знатных фамилий был широко распространен в Российской империи в XVIII — XIX вв.

В то же время горские народы Кавказа сами широко использовали практику захвата в заложники русских офицеров, о чем известно из записок А. П. Ермолова: «Старшины почти всех главнейших деревень чеченских были созваны ко мне, и я объяснил им, что ... должны они возобновить давнюю присягу на покорность, возвратить содержащихся у них пленных»⁴.

Новейшая история также демонстрирует весьма широкое применение захвата заложников как в мирное, так и в военное время. Имеются свидетельства, что удержание людей в качестве заложников практиковалось и в Советском Союзе на государственном уровне.

В 60-80 годы прошлого века террористические акты в СССР совершались крайне редко, информация о них не разглашалась. Преступления выражались в угоне самолета за границу с захватом заложников. 15 октября 1970 г. произошел первый захват самолета на территории СССР (террористы отец и сын

³ Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права [Текст]. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. – С. 262.

⁴ Там же. С. 119.

Бразинскасы угнали в Турцию самолет, следовавший в г. Сухуми). Во время угона погибла бортпроводница Н. Курченко. Следует учитывать, что до 1975 г. линейных отделов ОВД на авиационном транспорте не было, специальная техника для досмотра пассажиров и багажа практически не применялась. 8 марта 1988 г. семья Овечкиных (мать и ее дети), участники джазового ансамбля «Семь Симеонов» из Иркутска, захватили пассажирский самолет, выполнявший рейс «Иркутск-Курган-Ленинград». На борт самолета пронесли обрезы, патроны и самодельные взрывные устройства, спрятанные в музыкальных инструментах. Попытка угона не удалась, самолет был посажен на военный аэродром и взят штурмом, при этом погибли 9 человек (включая пятерых членов семьи Овечкиных), 19 человек получили ранения и травмы⁵.

В декабре 1988 г. трое террористов, ранее судимых за бандитизм, во главе с П. Якшиянцем захватили автобус с 30 школьниками и их учительницей в 7 г. Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ). Они потребовали 2 млн долл. и самолет в Израиль. После приземления самолета террористы были выданы властям СССР. Специалисты насчитывают 92 попытки угона самолетов в данный период.

14-19 июня 1995 г. 195 боевиков под руководством Ш. Басаева захватили в заложники более 1600 жителей г. Буденновска, которых согнали в местную больницу, 129 человек погибли, 415 были ранены. 9-15 января 1996 г. группа боевиков во главе с Салманом Радиевым захватила около двух тысяч человек в больнице и роддоме г. Кизляр в Дагестане, погибли 78 человек и более 50 были ранены.

В 90-х гг. XX столетия преступления террористического характера стали приобретать религиозно-политическую окраску. Подрывы жилых домов произошли в сентябре 1999 г. в г. Буйнакске, Москве и Волгодонске. Группа из 40 боевиков (половина - женщины-смертницы) под руководством М. Бараева 23-26 октября 2002 г. захватила свыше 900 заложников в здании Театрального центра на Дубровке в г. Москве. В ходе штурма здания все террористы были уничтожены, но 127 заложников погибли от усыпляющего газа. 9 мая 2002 г. в День Победы во

⁵ Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Противодействие экстремизму и терроризму: история и современность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. - 2017. - № 1 (3) / том 2 /. – С. 4.

время парада в г. Каспийске (Дагестан) в результате взрыва погибли 43 человека, в том числе 12 детей⁶.

Российская Федерация, как и весь мир, пережила масштабные атаки со стороны международного терроризма. Символом беспрецедентной жестокости стал для жителей России теракт, совершенный 1-3 сентября 2004 г. в школе города Беслан (Республика Северная Осетия-Алания), когда погибли 334 человека, из них 186 - дети, свыше 800 были ранены. В ходе спецоперации 31 террорист был уничтожен, при этом погибли 10 сотрудников Центра специального назначения ФСБ России⁷.

Н. Н. Козлова в своем исследовании, посвященном захвату заложников, со ссылкой на работу С. П. Мельгунова приводит данные о практике захвата заложников со стороны советского государства. Так, в соответствии с Приказом НКВД «О заложниках» убийство Урицкого и покушение на Ленина являются официальной мотивировкой «красного террора». Заложников брали из крестьян для продразверстки, интеллигенцию — для заготовки дров и расчистки железных дорог, жен и детей матросов и офицеров Кронштадта — во время Кронштадского мятежа, жен и детей повстанцев — во время Тамбовского мятежа.

Словосочетание «захват заложников» в современном понимании появилось в лексиконе юристов не с введением 17 июля 1987 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ст. 126¹ УК РСФСР, а значительно раньше. В национальное уголовное законодательство эта норма пришла из международного права. Первоначально, на протяжении ряда лет, захват заложников рассматривался как разновидность международного терроризма наряду с пиратством, актами, направленными против безопасности гражданской авиации, а также незаконным захватом и использованием ядерного материала⁸.

Как самостоятельный вид международного преступления захват заложников был предусмотрен Конвенцией о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979

⁶ Кафтан В.В. Противодействие терроризму. - М. : Юрайт, 2016. – С. 94

⁷ Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Противодействие экстремизму и терроризму: история и современность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. - 2017. - № 1 (3) / том 2 /. – С. 6.

⁸ Отаров А. А. История развития норм о захвате заложника в отечественной и зарубежной правоприменительной практике [Текст] // Теория и практика общественного развития. – 2006. - № 4. – С. 69.

г.

Негативные последствия неточного определения родового объекта посягательства были более глубинными и не сразу проявились в практике. Между тем захват заложников как в качестве разновидности международного терроризма, так и в качестве самостоятельного международного преступления относился к группе преступлений, наносящих ущерб мирному сотрудничеству и нормальному осуществлению межгосударственных отношений (против стабильности международных отношений), но не к числу посягательств на личные права и свободы человека. Аналогом этой группы общественных отношений во внутреннем законодательстве являются отношения общественной безопасности. Более последовательно поступил законодатель при криминализации терроризма (ст. 213³ УК). Федеральным Законом РФ от 1 июля 1994 г. место этой нормы было определено в главе X, где предусмотрены преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

Отступления от правил криминализации были допущены и при установлении уголовной ответственности за весьма близкое к захвату заложников преступление – похищение человека. Эта норма была установлена в УК Законом РФ от 29 апреля 1993 г., а примечание к ст. 126¹ исключено 18 февраля 1993 г. даже поверхностное сопоставление этих двух статей позволяет сделать вывод о сугубо самостоятельных, не зависящих друг от друга процессах внесения изменений в УК.

Если при этом учесть, что с содержанием стороны не было учтено существование еще и третьей сходной нормы, предусматривающей ответственность за незаконное лишение свободы, то станут понятным те объективные трудности, с которыми столкнулась практика в попытках установления весомых разграничительных признаков между этими составами.

1.2. Захват заложников: зарубежная практика

Захват заложников уже в древние времена широко использовался как универсальный способ решения каких-либо конфликтных проблем, а также для обогащения. Целями захвата заложников выступали: воздействие на внутреннюю или внешнюю политику соответствующего государства; удержание от агрессивных или ответных действий; обеспечение выполнения договоров; личной безопасности; безопасности имущества; объектов и населенных пунктов; незаконное получение денег и имущества (выкуп); освобождение из мест лишения свободы или из-под стражи; обмен пленными и т. п.

Факты захвата заложников имели место еще в Древнем мире, в частности, в нескольких статьях Законов Хаммурапи (XVIII в. до н. э.), регламентируются вопросы удержания заложника и ответственности за его возможную смерть. Так, в одной из статей указывается: «Если человек имеет за человеком долг хлебом или серебром и будет держать его заложника, а заложник умрет в доме взявшего в залог по своей судьбе, то это не основание для претензий»⁹.

Одним из старейших способов захвата заложников было морское пиратство. И хотя захват людей использовался главным образом для дальнейшей продажи в рабство, нередко люди захватывались также для получения выкупа или обмена пленными.

Пиратство было самым настоящим бедствием для Римской империи. По одному из свидетельств, однажды по пути из Рима в Родос на корабль, на котором плыл юный Гай Юлий Цезарь, напали киликийские пираты. Когда они назвали сумму в 10, а затем 20 талантов, которую хотели бы получить за освобождение пленника, Цезарь оскорбился и предложил им 50 талантов за свое освобождение, пообещав при этом их казнить впоследствии. Пираты, не придав значение угрозам заложника, после получения выкупа в 50 талантов отпустили его на свободу. Цезарь, проведя у них 38 дней, уже на следующий день после освобождения на

⁹ Журавлев, И.А. Захват заложников: исторические корни и современное положение // Закон и право. – 2002. - № 1. – С. 9.

четырёх галерах с 500 воинами напал на пиратов, находившихся на острове Фармакусса и захватил в плен около 350 человек, которых немедленно казнил.

Когда пиратская угроза серьезно нависла над Римом, Гней Помпеи собрал флот, а также 12 тыс. пеших легионеров и 5 тыс. всадников и разбил пиратов. При этом 20 тыс. их было взято в плен, 10 тыс. погибло, более 1300 пиратских кораблей были уничтожены, 400 достались победителям. Так Помпеи на многие годы очистил от пиратов бассейн Средиземного моря¹⁰.

Всплеск пиратства произошёл после открытия в 1492 г. Америки Колумбом, когда испанцы вытеснили арабов на их исконные земли. Используя быстроходные легкие суда, они буквально заполонили Средиземное море, подвергая грабежам и насилию и морские торговые суда, и прибрежные поселения. Так, в 1504 г. папа Юлий II отправил из Генуи в Рим два крупных военных корабля, груженных сокровищами, которые подверглись нападению пиратов и были ими захвачены. Самым известным и жестоким пиратом тех времен был араб Арух по кличке Барбаросса.

Пираты часто захватывали знатных людей портовых городов и требовали за них выкуп как условие освобождения. Так, французский флибустьер Граммон при осаде г. Кампече захватил более 20 жителей и потребовал за них выкуп, а после отказа городских властей выполнить его требования приказал отрубить головы пяти заложникам.

Пиратство и связанное с ним похищение людей в те времена рассматривались как обычное явление. Так, Гомер в «Одиссее», описывая подвиги своего героя, считает совершенно естественным похищение женщин и детей.

Хотя взятие заложников - очень распространенное явление, как в прошлом, так и в наши дни, оно остается малоизученным. Принято различать два вида заложников: добровольные заложники (до Французской революции 1789 г. высокопоставленные лица нередко предавали себя в руки доброжелательных тюремщиков, чтобы гарантировать соблюдение договоров), и невольные заложники (взятие таких заложников типично для тотальных войн, когда людей

¹⁰ Журавлев, И.А. Захват заложников: исторические корни и современное положение // Закон и право. – 2002. - № 1. – С. 10.

захватывают без различия и без жалости, чтобы использовать как живое средство давления, призванное обеспечить решающее военное преимущество). Сегодня статус заложника сочетает в себе доведенные до крайности признаки обеих категорий. С заложниками, захваченными с целью получения выкупа, по причинам политического или символического характера, обычно обращаются жестоко. Они являются выражением и излюбленным средством острого аксиологического противоречия между всевозрастающей глобализацией европейских и американских принципов и противодействия ему, которое играет как раз на западной приверженности ценностям гуманизма и демократии. В глазах своих соотечественников заложник становится знаковой фигурой, терзающей и не дающей покоя.

В пантеоне жертв войны заложникам принадлежит особое место.

Во-первых, они составляют лишь очень малое число лиц, страдающих от вооруженного насилия. Кроме исключительных случаев, когда в заложники захватывают несколько сотен человек (как это было, например, во время войны в Персидском заливе 1991 г. или в посольстве Японии в Лиме в 1996-1997 гг., а также совсем недавно, в сентябре 2004 г., в одной из школ в Северной Осетии), число заложников исчисляется единицами.

Во-вторых, интерес к заложникам обратно пропорционален их числу, поскольку даже единственный заложник привлекает всеобщее внимание. Может быть, это связано с тем, что сама жестокость таких действий поражает воображение? Или это объясняется невинностью жертв, часто подчеркиваемой такими факторами, как возраст, гражданство или профессия, которые акцентируют их непричастность к событиям, спровоцировавшим их захват? А может быть, оттого, что несправедливость, причиняемая одному человеку, действует на коллективное подсознание как скрытая угроза всем и каждому? Или даже оттого, что трагический конец, который, к несчастью, ожидает некоторых заложников, ставит их в положение мучеников?

Как бы то ни было, сам по себе заложник, несмотря на привлекаемое им внимание, остается в значительной мере загадочным персонажем. Это наблюдается как в области права, где многочисленные описания взятия

заложников во внутригосударственных законодательствах и международных инструментах парадоксальным образом не содержат определения заложника. Может быть, это причина, а, может быть, и следствие того, что заложник остается в значительной мере фигурой внеисторической. Ведь данной категории жертв, упоминания о которой встречаются с незапамятных времен, посвящено весьма ограниченное число

Так, определения «заложника» (равно как и «взятия заложников») не содержится ни в четырех Женевских конвенциях 1949 г., ни в Дополнительных протоколах к ним 1977 г. Международная конвенция против захвата заложников, подписанная 18 декабря 1979 г. в Нью-Йорке, определяет лицо, захватывающее заложника, как «любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо (здесь и далее именуемое как «заложник») для того, чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое лицо. Существующие же работы посвящены, в основном, древней истории и средним векам; нет исследования, которое прослеживало бы данную проблему на протяжении всей истории.

Может быть, такое отсутствие точного определения следует отнести на счет семантической двусмысленности, порождающей разнящиеся между собой толкования? Если некоторые лингвисты считают, что английский термин «hostage» (заложник) происходит непосредственно от латинского слова «hospes», означающего «гость», то другие полагают, что он происходит от слова «obses», родственного глаголу «obsidere» - «окружать, осаждать» и, соответственно, буквально означает «тот, кого держат в поле зрения». Эти две версии происхождения по-разному расставляют акценты в трактовке понятия «заложник», что отражает классическое противопоставление добровольных заложников невольным.

В старофранцузском языке слово «hostage» означало место жительства или жилище, а выражение «prendre en ostage» изначально означало взятие в дом человека, который служит гарантией исполнения договора. Затем это стало означать самого этого человека, «гостя», которого удерживают.

Такое различие не обязательно является строгим: признаки обеих категорий заложников часто накладываются друг на друга, как фактически, так и в течение времени. Тем не менее, оно может быть полезным в качестве аналитических рамок при исследовании истории статуса заложников, его функций, применения и эволюции во времени. А главное - это различие позволяет пролить свет на изменения, произошедшие в статусе заложников с конца двадцатого века, когда взятие заложников характеризуется, по всей видимости, нелепыми мотивами и требованиями, в отличие от более рационального подхода, который применялся с древнейших времен.

Следует, однако, отметить, что согласно статье 12 данной Конвенции ее положения не относятся к актам взятия заложников, совершаемым во время вооруженного конфликта, в отношении которых Женевские конвенции налагают на государства обязательство выдавать подозреваемых или преследовать их в судебном порядке.

Понятие, обозначаемое французским словом «otage» (заложник), когда оно появилось в XI веке, первоначально имело конкретный и ограниченный смысл. Заложник понимался как некая гарантия, предоставляемая победившему противнику или даже союзнику, как залог выполнения обещания или соблюдения договора, или как знак покорности побежденного. Так было уже в Древнем Египте, где высокопоставленные заложники служили порукой верности вассальных царств. На протяжении всей истории быть принятым в качестве гарантии договора мог только представитель самых высших классов общества.

Эту практику восприняли и развили древние греки, использовавшие взятие заложников для того, чтобы навязывать другим свои политические взгляды. Так, то обстоятельство, что македонского царя Филиппа II держали в качестве заложника в Фивах, должно было помешать македонцам враждовать с этим городом. В свою очередь, данную практику стали применять и римляне, иногда с выгодой для себя, а иногда и себе в ущерб. А пример римского генерала Аэция, которого в юности отдавали в заложники сначала вестготам, а затем - гуннам,

показывает, что этот обычай не признавал границы между «цивилизованными» и «варварскими» народами¹¹.

В средние века взятие заложников продолжает практиковаться, чему можно привести немало широко известных примеров, начиная с «граждан Кале», в 1347 г. предложивших себя в заложники Эдуарду III, чтобы он пощадил их город. Иоанн Орлеанский, герцог Ангулемский, выданный англичанам по договору Бюзансе 1412 г., оставался их заложником тридцать три года. В восточной Европе предоставление заложников тоже было традиционным, о чем свидетельствует жизнь Георга Кастриоти (известного под именем «Скандербег»). Он происходил из княжеской семьи и в юном возрасте был отдан туркам, чтобы гарантировать верность своего народа Блистательной Порте (правительству Османской империи). Воспитанный в мусульманской вере, Скандербег как доблестный воин служил султану Мураду II, фаворитом которого он был, пока не обратил оружие против своего бывшего повелителя и не стал героем борьбы за независимость Албании.

Предоставление добровольных заложников продолжалось до XVIII столетия. Так, по окончании войны за австрийское наследство и согласно договору, заключенному в 1748 г. в Экс-ла-Шапеле, заложники из числа английской знати остались под честное слово в Париже, ожидая, пока Франции будут возвращены некоторые из ее североамериканских владений.

Нередко с добровольными заложниками обращались как с гостями. Как и гости, они вели вполне приятный образ жизни, похожий на тот, который они оставили (иногда они даже пользовались достаточно большой свободой передвижения), в соответствии со своим положением в обществе (и со значением слова «*hospes*»). Как правило, заложники были знатными людьми, этим и объясняется то, что им часто предоставлялись роскошные условия. Кроме того, заложники могли не опасаться за свою жизнь, поскольку, в соответствии с рыцарским кодексом поведения, сама передача заложника уже служила достаточной гарантией соблюдения договора. Неудивительно, что между

¹¹ Журавлев, И.А. Захват заложников: исторические корни и современное положение // Закон и право. – 2002. - № 1. – С. 11.

заложником и его «хозяевами» могли устанавливаться дружеские отношения, в которых преодолевались культурные различия.

После Французской революции 1789 г. добровольные заложники предоставляются все реже, немногочисленные примеры этой практики можно встретить лишь в колониальной истории: например, вожди Верхнего Казаманса оставили в заложниках четверых из своих сыновей, гарантируя тем самым соблюдение мирного договора с Францией, подписанного в 1861 г.¹¹ В большинстве же случаев в эту эпоху побежденные государства предоставляют в качестве гарантии соблюдения договора не высокопоставленных лиц, а территории, которые, таким образом, становятся «заложниками». Так, например, Франкфуртский договор от 10 мая 1871 г. предусматривал временную оккупацию прусскими войсками ряда департаментов на севере Франции до выплаты контрибуции. Несколько раньше федеральные войска во время гражданской войны в Швейцарии (1847 г.), и войска северян в ходе гражданской войны в США (1861 —1865 гг.) поступали так же, оккупируя территории, как залог того, что условия мира, навязанные побежденным, будут соблюдены. Во всех этих случаях местные жители считались и сами считали себя заложниками, отданными на милость оккупирующих сил.

После Французской революции 1789 г. все четче вырисовывается феномен территории-заложника и, следовательно, населения-заложника, что говорит о фундаментальных изменениях этой практики, на которую, в свою очередь, оказали влияние другие серьезные перемены.

С конца XVIII столетия представление о суверенитете как о чем-то раздробленном и воплощенном в отдельных лицах сменяется коллективной и единой его концепцией. С появлением государства-нации носителями суверенитета становятся уже не несколько изолированных личностей, а все граждане в целом. В этих условиях предоставление заложников, при взаимном признании как предоставляющей, так и принимающей стороной, особой ценности, присущей человеку, избранному на роль заложника, утрачивает свой смысл. Ведь в государстве-нации все люди теоретически признаются равными, что делает их равноценными и взаимозаменяемыми. В то же время захват

заложников полностью оправдывает себя, поскольку теперь каждый способен «играть» эту роль.

Кроме того, само ведение конфликтов претерпевает структурные изменения. После короткого затишья сражения снова становятся ожесточенными, сначала в ходе Французской революции, затем - во времена империи Наполеона и незаметно достигают уровня, свойственного тотальной войне. В условиях все более беспощадной конфронтации, когда между противниками возможны только враждебные отношения, предоставление заложников как гарантии взаимного доверия больше себя не оправдывало. Сами воюющие поняли бессмысленность такой практики. Так, американский юрист Фрэнсис Либер писал в своем знаменитом кодексе, составленном в ходе одной из первых тотальных войн нового времени - гражданской войны в США 1861-1865 гг.: «Заложником является лицо, принятое в качестве гарантии выполнения соглашения между воюющими во время войны или в результате войны. В наше время заложники - редкость»¹².

В этом контексте становится понятно, почему теперь заложников не предлагают, а захватывают: такая перемена соответствует развитию права войны и утверждению идеалов, основанных на правах человека.

До вступления в силу Женевских конвенций 1949 г., которые категорически запрещают эту практику, международное право не исключало ее, особенно когда к ней прибегали для достижения военного преимущества (см., например, «дело о заложниках» («Hostages Case»), *United States v. Wilhelm List*, 1950). В настоящее время взятие заложников относится к числу серьезных нарушений четвертой Женевской конвенции (статья 147).

Это означает, с одной стороны, что статус заложника зависит уже не от последствий боевых действий, а от самого конфликта. Далее, и прежде всего, теперь речь идет уже не о *hospes*, а об *obses*, т.е. о человеке, который находится под надзором и положение которого определяется односторонними и обязательными к исполнению решениями. Кроме того, в материальном отношении условия его содержания принципиально не отличаются от плена. С

¹² Геррман, И., Пальмиери Д. Заложники: извечная проблема [Текст] // Международный журнал Красного Креста. - 2005. - № 857. - С. 178.

психологической точки зрения, эта перемена не менее драматична. Если для функции *hospes* характерно отсутствие опасности, то функция *obses*, напротив, определяется вполне реальной угрозой для жизни лишенного свободы лица. Более того, именно эта угроза, как таковая, полностью оправдывает опасное положение заложника, который, соответственно, может подвергаться жестокому обращению, и даже быть убит, как это давно практикуется в отношении любых других людей, захваченных во время конфликта.

Конечно, статус добровольного заложника допускает различные интерпретации, поскольку, как отмечает Адам Ж. Косто, предоставление заложника обычно осуществляется по принуждению. Но «чтобы это предоставление могло служить гарантией соглашения, обе стороны должны признать заложника заложником. Следовательно, [добровольные] заложники - не то же, что пленники и военнопленные»¹³.

Хотя невольные заложники живут, в принципе, в тех же условиях, что и военнопленные, существуют два основных признака, которые отличают их от их прочих соотечественников, захваченных неприятелем, и эти признаки имеют множество конкретных проявлений.

Первая характерная черта - особая ценность, которую придают этим людям те, кто их захватил. Подобно добровольному заложнику, заложник невольный тоже может служить стратегической цели - вынудить противника пойти на какие-либо уступки. Спартанцы, захваченные в битве при Сфактерии (425 г. до РХ.) во время второй Пелопоннесской войны (431-404 гг. до РХ.), были использованы Афинами для того, чтобы нейтрализовать военное превосходство лакедемонского полиса в течение тех четырех лет, когда они находились в плену. Но ценность заложников может иметь и чисто финансовый характер.

В таком случае ситуация войны ничем не отличается от ситуации мира, в которой тоже совершаются сделки подобного рода.

¹³ Геррман, И., Пальмиери Д. Новые конфликты: архаичная современность? [Текст] // Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. - 2004, - № 7. - С. 28.

В таком случае невольный заложник становится дорогим товаром, за который рассчитывают получить хорошую цену. По этой причине с ним обычно хорошо обращаются, ожидая, когда будет выплачен выкуп.

В связи с этим знаменитый правовед Гуго Гроций призывал к тому, чтобы в современном государстве, уважающем международное право, с военнопленными систематически обращались как с заложниками и, следовательно, чтобы их можно было освобождать за выкуп.

Кроме того, обращение с заложником зависит от его происхождения: чем оно благороднее, тем лучше условия содержания. Это различие по качеству, которое сближает *obses* с *hospes*, было отмечено очень давно. Так, с Гвидо Лузиньяном, королем иерусалимским, захваченным арабами в битве при Хаттине (1187 г.), Саладин обращался действительно как с монархом.

Вторая характерная черта состоит в постепенном размывании различия между комбатантами и некомбатантами, поскольку невольных заложников чаще берут из числа гражданского населения. Эта практика широко применяется, как правило, при оккупации или аннексии территорий с целью обеспечить общественный порядок и, тем самым, безопасность оккупационных войск. Она может осуществляться множеством разных методов в зависимости от личной или финансовой ценности заложников, или от того, насколько их можно использовать для оказания давления. В конечном счете, эти методы нейтрализуют друг друга и приводят к выдвиганию все новых и новых требований и ответных требований.

Обычно заложников содержат в их собственных городах или деревнях, где они служат символом угрозы, нависшей над всеми жителями. Но их могут и депортировать, как сделал Наполеон I, когда, вступив в Вену, он взял в заложники ряд видных жителей города и насильно отправил их во Францию.

Во время Первой мировой войны Германия также прибегала к этому методу, депортируя сотни гражданских лиц из оккупированных зон северной Франции на свою территорию и даже в Россию.

Армии царской России, в свою очередь, поступали так же в Восточной Пруссии в начале войны: немецких заложников отправляли в Сибирь. Нет

необходимости напоминать о том, что депортация заложников практиковалась не менее широко и во время Второй мировой войны.

Заложников могут брать и для того, чтобы гарантировать жизнь других заложников, захваченных неприятелем. Один из наиболее известных примеров такого рода имел место во время Парижской коммуны. 5 апреля 1871 г. Коммуна заявила, что лица, обвиненные в сотрудничестве с Версальским правительством, будут считаться заложниками народа Парижа и могут быть расстреляны в случае казни военнопленного или сторонника законного правительства Коммуны. Было взято семьдесят четыре заложника, в основном, представителей духовенства - включая архиепископа Парижского. После того, как предложение об их обмене не было принято и после жестоких расправ Версаля с ранеными и пленными, Коммуна в ходе «кровавой недели» расстреляла шесть заложников¹⁴.

Подобным же образом поступили во время Второй мировой войны германские власти, которые арестовали голландских граждан в Нидерландах в ответ на интернирование граждан Германии в нидерландской Ост-Индии.

Заложники могут также служить «живым щитом» в целях прикрытия войск противника при передвижении. Германия выступила новатором в этой области, впервые использовав заложников «для сопровождения» во время франко-прусской войны 1870-71 гг. Английские войска последовали этому примеру в ходе англо-бурской войны 1899-1902 гг., защищая свои железнодорожные составы, затем такая практика неоднократно применялась в обеих мировых войнах. Так, во время Первой мировой войны (1914-1918 гг.) англичане помещали на свои корабли заложников - на этот раз военнослужащих, взятых из числа офицеров Рейха, для защиты от немецких бомб и торпед.

Наконец, взятие заложников может стать и орудием репрессий, когда надо наказать тех, кто нарушает установленный порядок или, в наиболее серьезных случаях, покушается на жизнь оккупантов. Тогда участь заложника зависит от выдачи виновных - происходит обмен, определяющий жизнь или смерть героев этой драмы. Во время Второй мировой войны (1939-1945 гг.) было немало

¹⁴ Абдуллаев, Р. Ф. Пути оптимизации мер борьбы с захватом заложников [Текст] / Р. Абдуллаев // Бизнес в законе. Экономико-юридический. – 2007. - № 1. – С. 151.

трагических примеров, ярко обнаруживающих неравенство, присущее этой практике, - таких, как расправа в Адреатинских катакомбах в марте 1944 г., когда 325 итальянских заложников были расстреляны немецкими военнослужащими в ответ на убийство нацистского офицера.

Окончание Второй мировой войны и отказ от тотальной войны привели не к прекращению взятия заложников, а к его незаметной трансформации.

Гражданская война в Колумбии несомненно является особенно ярким примером последней категории. В руках вооруженной оппозиции находятся сотни заложников, наиболее известная из них - политический деятель Ингрид Бетанкур, похищенная Революционными вооруженными силами Колумбии (ФАРК) в феврале 2002 г.

После того как на рубеже 80-х и 90-х гг. XX столетия ушло в прошлое биполярное мироустройство, на планете появилось множество различных форм вооруженного противостояния. Эти различные проявления новой агрессивности, которые называют общим термином «новые конфликты», характеризуются значительной асимметрией противостоящих сил и беспрецедентным уровнем насилия по отношению к гражданским лицам. И это неравенство сил, и эта агрессивность отражаются на практике взятия заложников.

Так, во время некоторых из современных конфликтов, как активно ведущихся (Чечня), так и «замороженных» (Нагорный Карабах), захват беженцев, совсем не является чем-то исключительным, наоборот, он стал обычным явлением. Некоторые даже рассматривают его как законную деятельность, такого же рода, что и торговля сырьем. Например, когда речь идет о войне в Ираке, сегодня часто говорят об «индустрии похищений». Если использование такого термина и несет в себе элемент эпатажа, оно, по меньшей мере, подчеркивает размах и частоту этой практики, а также указывает на ту эволюцию, которую она претерпела в двух отношениях.

Это заставляет предположить, что, подобно *hospes*, заложник сегодня снова обладает индивидуальной ценностью. И действительно, положение заложников в наши дни не таково, каким оно было во времена тотальной войны. Их больше не захватывают наугад, во время облав. Как и в средние века, они иногда служат

средством для получения выкупа. Это очень распространено в таких странах, как Ирак или Колумбия, причем заложниками чаще всего бывают их собственные граждане. В более редких случаях, которые получают гораздо более широкое освещение в СМИ, ценность заложников имеет не столько материальный, сколько символический характер. В целом, заложники рассматриваются как средство оказания давления на внешнего «врага».

Однако в этом контексте наблюдается глубокая трансформация представления о ценности заложника, которая приводит к изменению его статуса. В силу самой асимметрии военных действий, современный заложник уже не является «гостем» тех, кто его захватил. Таким образом, на психологическом уровне утрачена взаимность, «новые заложники» больше не воспринимаются как равноценное тому, что стремятся заполучить, или тому, что должно быть получено в обмен. В материальном отношении отмечается то, что условия содержания в неволе становятся одинаковыми для всех, независимо от социального положения, нередко бывает так, что чем выше положение заложника, тем хуже условия его содержания.

Тем не менее, несмотря на все эти черты сходства, «новых» заложников нельзя отнести и к категории *obses*. Ведь они, строго говоря, не принадлежат к «вражескому стану». Как раз наоборот - такие люди, как Арьян Эркель, глава миссии «Врачей без границ» в Дагестане, или Маргарет Хасан, начальник отделения благотворительной организации «Кэр» в Ираке, могли бы скорее рассматриваться как «союзники» своих похитителей. В других случаях, можно было бы ожидать, что «охранной грамотой» послужит само гражданство заложников - вспомним, например, о французских журналистах Кристиане Шено и Жорже Мальбруно, чья страна была одной из наиболее решительных противников войны в Ираке. Но захватившие их люди не проявили к ним за это ни малейшей благодарности.

Таким образом, статус заложников в наши дни сочетает элементы статуса *hospes* и *obses*, доведенные до крайности и лишённые равновесия. Заложников теперь снова сознательно выбирают, но обращаются с ними жестоко. Сегодня заложники не представляют в глазах своих похитителей никакой ценности, кроме

той, которую им придает внешний мир. Иными словами, ценность заложника определяется уродливым взаимодействием между его полной незначительностью в восприятии захвативших его людей и той ценой, которую его собственная сторона готова заплатить за него и которая, соответственно, придается ему его похитителями. Это треугольное соотношение объясняет и похищение конкретно определенных лиц, и жестокое обращение с ними.

Поскольку похитители играют на ценностях и принципах противника, они планируют свои операции, имея в виду исключительно тот интерес, который заложник вызовет у его сограждан. Следовательно, если их враг - Запад, они эксплуатируют, прежде всего, два основных фактора: высокую ценность отдельного человека в обществе и влияние СМИ, которые, действуя как средство давления на демократически избранные правительства, зависящие от голосов избирателей, информированных таким образом, еще более усиливают этот процесс придания особой ценности индивиду.

Таким образом, нетрудно понять, что выбор «новых» заложников делается не по признаку их политического и военного могущества, как это было во времена до Французской революции 1789 г., но зависит от того воздействия, которое их захват может оказать на общественное мнение противостоящей стороны. Поэтому чаще всего в заложники попадают люди, способные вызвать большую симпатию у широкой общественности - или благодаря положительному представлению, сложившемуся об их профессии (гуманитарные работники, репортеры, ученые), или в силу их абсолютной невинности по отношению к событиям, жертвами которых они стали. Хуже того, они становятся заложниками именно потому, что они ни в чем не повинны. Но именно их невинность - распадающаяся на множество форм, зачастую имеющих кумулятивный характер, причем каждая добавляет какой-то новый элемент невинности - с помощью СМИ вызывает такую мощную волну солидарности¹⁵.

Реакция публики, получившей подобную информацию, не ограничивается гневом и растерянностью. Люди также отождествляют себя с заложниками, что

¹⁵ Абдуллаев, Р. Ф. Пути оптимизации мер борьбы с захватом заложников [Текст] / Р. Абдуллаев // Бизнес в законе. Экономико-юридический. – 2007. - № № 1. – С. 153.

может вызвать реальный страх. Очень скоро этот механизм был понят и, начиная с 70-х гг. XX столетия, террористические группировки начали играть на этом, чтобы усилить давление, оказываемое простым захватом заложников. Эта практика применяется все шире в 90-е гг. в связи с распространением демократической модели и, особенно, в связи с превращением этого процесса в политическую кампанию Запада. Это, несомненно, содействовало развитию данной схемы, уже нашедшей себе широкое применение, способствуя включению в нее дополнительного элемента.

Действительно, шумная пропаганда идеалов и политических механизмов, основанных на концепции прав человека, способствовала распространению идеи о ценности каждого человека, а, следовательно, - и страха перед тем, что эта ценность будет попорчена. Кроме того, она оживила ненависть всех, кто увидел в этой тенденции новую форму колониализма. Неудивительно, что некоторые из них решили «бить врага его же оружием».

С этой целью похитители всячески стараются уничтожить индивидуальность жертвы и не видеть в ней ничего, кроме воплощения реальности или принципов, с которыми они борются. Идет ли речь о символах (западная культура, капитализм, христианство и т.д.) или об идеалах (демократия, свобода, благотворительность, знания и т.д.) и независимо от того, выражены ли эти символы и идеалы в происхождении, гражданстве или деятельности заложников, они представляют собой опасность, которую необходимо уничтожить во имя радикально противоположного мировоззрения. Таким образом, заложник, развоплощенный и дегуманизированный, перестает восприниматься как противник и, более того, как человек.

Такая дегуманизация логически приводит к овеществлению заложника. Он становится вещью (*res*), которую продают или покупают и от которой могут избавиться в любой момент, как от ненужного предмета; и это делается особенно легко потому, что число потенциальных заложников кажется неисчерпаемым. Это отношение вовсе необязательно является проявлением желания поторговаться или коммерциализации конфликта, как его понимает немецкий политолог Герффрид Мюнклер. Ведь жестокое обращение с заложниками, например, в Ираке, ясно

показывает, что они не имеют никакой подлинной ценности для тех, кто их захватил - даже как средство давления¹⁶.

Взятие заложников больше не служит даже «самым варварским из всех видов оружия, направленных против американских оккупантов», как писал недавно один еженедельник. Цель любого оружия - добиться преимущества и заставить противника сдаться или хотя бы пойти на какие-то уступки. Но, по всей видимости, похитители Маргарет Хасан и других западных заложников не ставили перед собой такой цели. У них было только одно намерение - запугать определенные категории населения, о чем свидетельствуют мрачные сцены убийства жертв, снятые на видеопленку. В этом случае оружием является страх, а заложники - лишь несчастные орудия в руках тех, кто его использует.

1.3. Уголовная ответственность за захват заложников

В уголовных кодексах зарубежных стран и стран СНГ ответственность за захват заложников установлена в следующих нормах: ст. 206 УК РФ, ст. 147 УК Украины, ст. 291 УК РБ, ст. 329 УК Грузии, ст. 245 УК Руз, ст. 181 УК РТ. Как показал анализ соответствующих норм, объективная сторона настоящего преступления выражается только в деянии, которое состоит альтернативно из двух действий: захвата заложника либо удержания лица в качестве заложника.

В диспозиции ст. 291 УК Республики Беларусь содержится указание на способ совершения данного деяния: соединенность с угрозой убийства, угрозой причинения ему телесных повреждений или дальнейшего удержания лица.

Представляется, что такие уточнение объективной стороны является излишним. В литературе неоднократно высказывалась, на наш взгляд, обоснованная позиция, что под захватом следует понимать неправомерное насильственное ограничение свободы человека, а под удержанием — «насильственное воспрепятствование возвращению человеку свободы».

¹⁶ Геррман, И., Пальмиери Д. Заложники: извечная проблема [Текст] // Международный журнал Красного Креста. - 2005. - № 857. - С. 190.

Таки образом, захват или удержание не могут быть не насильственными, они должны, например, «применением психического насилия: угрозами убийством, причинением легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью и т.д.»¹⁷.

Уголовный кодекс Украины содержит специальную норму (ст. 349), устанавливающую ответственность за захват представителя власти или работника правоохранительного органа в качестве заложника. Следует согласиться с позицией В.П. Емельянова, отмечавшего, что в существовании такого состава нет никакой необходимости. Поскольку наличие специальной и общей нормы неизбежно повлечет за собой сложности, при их разграничении, и в ряде случаев, будет искусственно порождать идеальную совокупность, а соответственно и необоснованное усиление наказания, если среди группы заложников окажется лицо, указанное в ст. 349 УК Украины.

Более правильной представляется позиция законодателя Грузии, который усилил ответственность за захват в качестве заложника определенной категории лиц (политического или должностного лица Грузии или членов его семьи, официального представителя или лица, подлежащего международной правовой защите) путем построения соответствующего квалифицированного состава (п. а, б ч. 2 ст. 329 Ук Грузии).

Субъективная сторона хвата заложника, как уже отмечалось, выражается в прямом умысле и следующей цели: побудить определенный круг субъектов совершить или воздержаться от совершения того или иного действия как условия освобождения заложника.

Законодатель рассматриваемых стран-членов СНГ по разному очертили круг субъектов, к которым адресованы требования.

Максимально широкий перечень содержится в диспозиции ст. 291 Украины: родственники задержанного, государственное либо другое учреждение, предприятие либо организация, физическое или должностное лицо. Как правило, в статьях указано три субъекта.

¹⁷ Хоменко, А.Н. Уголовно-правовые аспекты захвата и освобождения заложников :Автореферат диссертации [Текст] /А. Н. Хоменко ; Науч. рук. В. В. Бабурин ; Министерство внутренних дел РФ. Омская академия. - Омск,2008. – С. 4.

Например, в ст. 206 УК РФ – это государство, организация или гражданин, в ст. 329 УК Грузии – это государственная власть, международная или религиозная организация; в ст. 181 УК РТ – государство, организация или физическое лицо.

Вместе с тем редакция ни одной из статей не может стать в этой части удачной, поскольку перечень является узким и не охватывает всего возможного перечня адресатов. Так, в частности, в качестве субъекта требований в ст. 206 УК РФ указан гражданин. Вместе с тем возможно ситуация, когда требования предъявляются лицу, которое является не гражданином РФ, а лицом без гражданства либо иностранцем, находящимся на территории РФ. В связи с этим, на наш взгляд, более удачны является использование понятия «физическое лицо».

В УК Грузии из круга субъектов выпали физические лица. Во всех кодексах, кроме УК Республики Беларусь, отсутствует группа лиц. Вместе с тем возможны случаи, когда требования предъявляются, например, незарегистрированному общественному объединению, которое не является ни юридическим лицом, ни организацией.

Представляется, что оптимальным был бы следующий круг адресатов требований: государство, международные организации, физические или юридические лица, группа лиц.

Ст. 206 УК РФ, ст. 289 УК РБ, ст. 179 УК РТ имеют примечания, где содержатся специальные виды освобождения от уголовной ответственности. В их построении прослеживается единый подход.

Так, в частности, лицо освобождается от уголовной ответственности в тех случаях, когда оно добровольно или по требованию властей освободило заложника. Вместе с тем в УК РФ И УК РТ содержатся оговорки относительно того, что лицо освобождается от уголовной ответственности при условии отсутствия в его действиях иного состава преступления, а в УК РБ – по настоящей статье.

Такая конструкция примечаний, с одной стороны – позволяет стимулировать отказ от продолжения преступной деятельности, а с другой – все таки привлечь лицо к уголовной ответственности в том случае, или в его действиях имеют место признаки иного состава преступления.

Как справедливо отметили В. Комиссаров и П. Скобликов, при захвате заложника наиболее вероятны следующие формы сопутствующего неправомерного поведения: лишения свободы, применение насилия и незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, причинение вреда здоровью, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и т.д., которые не должны оставаться без адекватной юридической оценки.

Все вышесказанное позволяет выделить следующие направления унификации законодательства о борьбе с терроризмом и захватом заложника стран-участниц СНГ:

- понижение возраста уголовной ответственности за захват заложника и терроризм с 14 лет;
- уточнение диспозиций норм, устанавливающих ответственность за захват заложника, а также примечаний к ним.

Думается, что обеспечение единого подхода в уголовно-правовой борьбе с рассматриваемыми преступлениями на всем пространстве Содружества Независимых Государств способствовало бы повышению противодействия им.

В теории уголовного права интересное мнение высказывает Л.А. Андреева¹⁸, по утверждению которой в квалификацию по совокупности должны входить п. «в» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ, потому что они предусматривают применение опасного для жизни или здоровья насилия. Действие, любое убийство, сопряженное с захватом заложника должно квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но не любое убийство, сопряженное с указанными преступлениями, обосновывает квалификацию по п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ.

В настоящее время одними из наиболее опасных видов преступлений, как во всём мире, так и в Российской Федерации, является захват заложников.

¹⁸ Андреева, Л.А. Квалификация убийств совершенных при отягчающих обстоятельствах [Текст] / Л.А. Андреева. – СПб., 1998. – С. 13.

Учитывая характер и степень общественной опасности данное преступление причислено мировым сообществом к числу опаснейших преступлений против общественной безопасности и общественного порядка.

Поэтому для предотвращения захвата заложников 17 декабря 1979 года резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН была принята «Международная конвенция о борьбе с захватом заложников».

Еще большую общественную опасность представляет захват заложников в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Это преступление посягает на нормальную деятельность государственных органов и учреждений, вызывает негативный общественный резонанс, угрожает жизни и здоровью, как осужденных, так и сотрудников УИС.

Все это указывает на необходимость изучения данного явления, выявления статистической закономерности захвата заложников, совершаемого в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Статистические данные последних лет свидетельствуют о снижении количества зарегистрированных правоохранными органами фактов захвата заложников в учреждениях УИС, так: за период с 1983 по январь 1986 г. в исправительных колониях осужденными было совершено 8 захватов заложников, а с января 1986 г. по декабрь 1987 г. - уже 16. В дальнейшем количество захватов заложников в УИС возрастает: в исправительных колониях в 1988 г. совершено 10 эксцессов, в 1989 г. - 21. В следственных изоляторах и тюрьмах рост числа захватов заложников произошел в 1989 г., когда было зарегистрировано 20 таких преступлений.

Необходимо отметить, что более ранние статистические данные отсутствуют, поскольку, несмотря на присоединение СССР к международной Конвенции 1979 г., в УК РСФСР не было самостоятельной нормы о захвате заложника, которая позволяла бы дать четкую уголовно-правовую характеристику и юридическую оценку захватов заложников осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступления¹⁹.

¹⁹ Бавсун, М.В., Николаев, К.Д. Проблемы юридической оценки преступлений против общественной безопасности,

Впоследствии в пенитенциарной системе в целом наметилась тенденция к снижению числа захватов заложников: если за 1990-1999 гг. было совершено 86 захватов, то за 2000-2014 гг. - 18.

Используемые статистические данные отражают только число зарегистрированных преступлений и количество лиц, их совершивших, но не раскрывают полного состояния преступности. Чтобы сформировать более полную картину, характеризующую исследуемое нами явление, следует учесть данные о случаях предотвращения захвата заложников, а также отказа в возбуждении уголовных дел данной категории.

Так, в результате проведенного эмпирического исследования было установлено, что в период с 2001 по 2014 год в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации было предотвращено 3767 фактов захвата заложников: в 2001 г. - 419, 2002 - 249, 2003 - 381, 2004 - 562, 2005 - 232, 2006 - 99, 2007 - 120, 2008 - 183, 2009 - 315, 2010 - 449, 2011 - 136, 2013 г. - 243, 2014 г. - 389²⁰ [62].

Такая криминогенная ситуация свидетельствует с одной стороны об активизации и повышении эффективности профилактической работы правоохранительных органов в сфере противодействия захвату заложников в учреждениях УИС. А с другой стороны указывает на то, что криминогенная активность лиц, в учреждениях уголовно-исполнительной системы достаточно высока и захват заложников остается одним из наиболее общественно опасных и посягательств и острота проблемы, связанной с захватом заложника, не снижается, заставляя сконцентрировать внимание на разработке консолидированного подхода на концептуальном и государственных уровнях стратегии и тактики предупреждения данного вида преступлений.

Таким образом, институт захвата заложников был известен с древних времен, но наиболее ужасающее социальное явление он проявился в XX-XXI вв.

Современное уголовно-правовое законодательство определяет захват

сопряженных с убийством [Текст] / М.В. Бавсун, К.Д. Николаев // Российская юстиция. - 2010. - № 1. - С. 15.

²⁰Воробьев, А. Похищение человека и захват заложника [Текст] // ЭЖ-Юрист. - 2015. - № 36. - С. 23.

заложника следующим образом: это противоправное завладение человеком, сопровождающееся лишением его свободы.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ

2.1. Объективные и субъективные признаки состава преступления

Захват заложника признается преступлением международного характера. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1979 г., определяет основные направления противодействия этому преступлению.

В Российской Федерации ответственность за указанное преступление наступает в соответствии с Уголовным кодексом РФ (статья 206).

Статья 206 УК РФ целью преступления называет совершение представителями государства, организациями либо гражданами определенных действий как условия для освобождения заложника.

Объект данного преступления – общественная безопасность в самом широком смысле этого слова.

Дополнительным непосредственным объектом исследуемого преступления являются общественные отношения, которые обеспечивают личную физическую свободу человека, в то же время при особоквалифицирующих признаках состава выступает жизнь, здоровье и собственность человека.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 статьи 206 УК РФ, выражается в следующих действиях: 1) захват 2) удержание лица в качестве заложника,

Состав преступления, связанный с захватом заложника, носит формальный характер. Критически анализируя различные точки зрения ученых, по данному вопросу, придерживаемся позиции, тех исследователей, которые считают, что моментом окончания захвата заложников является время, фактического насильственного захвата или удержания. В то же время, с точки зрения освобождения заложников, данное преступление будет реально оконченным с момента фактического прекращения деяния. Промежуток времени от захвата и предъявления требований до момента полного освобождения заложников характеризует захват заложника как длящееся преступление.

Захват заложника подпадает под определение преступления международного характера, данное профессором И.И. Карпецом: «Преступление международного

характера – это деяния, предусмотренные соглашениями (конвенциями), не относящиеся к преступлениям против человечества, но посягающие на нормальные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономических, социально-культурных, имущественных и т.п.), а также организациям и гражданам, наказуемое либо согласно нормам, установленных в международных соглашениях (конвенциях), ратифицированных в установленном порядке, либо согласно нормам национального уголовного законодательства в соответствии с этими соглашениями»²¹.

Таким образом, родовым объектом рассматриваемого преступления являются отношения общественной безопасности и место нормы о данном преступлении должно быть в системе преступлений против общественной безопасности (глава десятая УК). Тогда социальный смысл захвата заложников как преступления будет очевиден и это даст достаточные основания для отграничения его от смежных составов преступлений. Уточнение места нормы о захвате заложников в системе Особенной части УК позволит иначе взглянуть и на само понятие захвата заложников.

Субъективная сторона захвата заложников характеризуется только прямым умыслом, поскольку только прямой умысел предусматривает предвидение виновным неизбежности наступления общественно опасных последствий, тогда как косвенный умысел предполагает предвидение лишь возможности их наступления. Поскольку виновный, совершая деяние, ясно понимает, что общественно опасные последствия в результате его действий наступят неизбежно, невозможно говорить о том, что волевой момент умысла может выражаться в нежелании наступления последствий или безразличном к ним отношении.

Субъектом захвата заложников может быть только вменяемое, физическое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста, а также иностранные граждане и лица без гражданства.

Среди лиц, совершающих преступления, связанные с экстремистской деятельностью, преобладают мужчины (96%), количественный показатель

²¹ Карпец И.И. Преступления международного характера [Текст] . – М., 1979. – С. 48.

женщин составил (4%). Данные лица характеризуются более высоким уровнем образования по сравнению с лицами, осужденными за общеуголовные преступления. Наиболее часто такие преступления совершаются в крупных населенных пунктах, с использованием возможностей информационной телекоммуникационной сети Интернет. На момент привлечения виновных к уголовной ответственности 69% не имели судимости.

Отличительными чертами экстремистов являются:

- молодежный возраст (16-30 лет);
- показная бравлада;
- групповое совершение преступлений;
- насилие, агрессия, жестокость;
- распространение идей расовой, национальной, религиозной нетерпимости;
- вандализм, уничтожение (повреждение) памятников истории и культуры;
- увлечение лженауками, мистицизмом, сектантством и проч.

Выделяют следующие психотипы участников экстремистских групп:

- а) лидер - организатор (идеолог) экстремистской деятельности;
 - б) фанатик - характеризуется искренней верой и преданностью целям организации;
 - в) агрессор - для такого лица характерны озлобленность, насилие, стремление к разрушению;
 - г) игрок - копирует поведение анархистов и радикалистов, ему присуща жажда риска, азарт, желание самоутвердиться;
 - д) попутчик - участвует в деятельности экстремистской группы (организации) в силу влияния близкого окружения;
 - е) подражатель - от участия в группе стремится получить собственную выгоду (защититься от обидчиков, извлечь денежный доход)²²;
 - ж) пособник - лицо, содействующее экстремистской деятельности.
- Наиболее часто на территории Российской Федерации в экстремистской деятельности проявляют себя: а) скинхеды; б) антифашисты; в) агрессивные спортивные фанаты (ультрасы); г) представители лево- и праворадикальных

²²Беликов С.В. Антифа. Молодежный экстремизм в России. М. : Алгоритм, 2012. – С. 29-32.

групп. Так, ультраправые убеждены в превосходстве одних социальных групп над другими, их идеология нередко выстраивается на основе расизма, национализма, фашизма, ксенофобии. Ультраправые стремятся к изменению существующей системы государственного управления, построению бесклассового общества, основанного на социальном равенстве.

Для лиц, совершающих террористические преступления, характерна тенденция к экстернализации (поиск источника личных проблем во внешней среде). Им свойственна постоянная оборонительная готовность, чрезмерная поглощенность собой, игнорирование чувств и переживаний других. Они агрессивны по отношению к окружающим, легко внушаемы, эгоистичны. Хорошо владеют различными видами оружия, имеют навыки обращения с взрывными устройствами и веществами. К числу мотивов террористической деятельности относятся: 1) корысть; 2) желание самоутвердиться; 3) преследование политических, идеологических, религиозных целей; 4) восстановление «социальной справедливости»; 5) дестабилизация общественных отношений; 6) создание панического настроения среди населения; 7) уничтожение или устранение политического противника²³.

2.2. Квалифицированные составы преступления

Применение насилия, опасного для жизни или здоровья, является квалифицирующим признаком состава захвата заложника (п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ). Его понятие в настоящее время не вызывает особых дискуссий, учитывая наличие обстоятельного разъяснения, содержащегося в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», согласно которому под «насилием, опасным для жизни или здоровья (ст. 162 УК РФ), следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью потерпевшего, вызвавшего

²³ Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Портреты преступников : криминологическо-психологический анализ : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – С. 78-86.

кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности²⁴.

Данный подход к определению насилия, опасного для жизни или здоровья, представляется правильным, хотя, как отмечается в юридической литературе, в указанный вид насилия целесообразно включить и истязание²⁵. При этом надо помнить, что согласно п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ квалифицированный вид истязания имеет место, когда виновный истязает лицо, похищенное либо захваченное в качестве заложника. В подобном случае действия истязателя, если он принимал участие в похищении потерпевшего либо захвате его в качестве заложника, должны оцениваться по совокупности преступлений, предусмотренных соответственно ст. 126 УК РФ или ст. 206 УК РФ (п. «в» ч. 2), а также по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ²⁶.

Понятие насилия применительно к ст. 206 УК РФ имеет определенную специфику. В этой уголовно-правовой норме нет указания на такой квалифицирующий или основной признак состава преступления, как совершение деяния с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья. Достаточно часто законодатель одновременно упоминает в статьях Особенной части УК РФ как об опасном, так и не опасном для жизни или здоровья насилии (например, ст. ст. 166, 221, 226, 229, 296, 318, 321 УК РФ), что позволяет провести между ними разграничение, определить предмет доказывания по уголовному делу²⁷. В тех же случаях, когда в статье Особенной части УК РФ речь идет только о насилии, опасном для жизни или здоровья как квалифицирующем признаке состава преступления, как правило, подразумевается, что объективная сторона основного состава преступления включает в себя применение насилия, не опасного для жизни или здоровья (например, ч. 1 ст. 126, ч. 1 ст. 127, ч. 1 ст. 211 УК РФ). Подобная ситуация характерна и для объективной стороны основного состава

²⁴Черных С. А. Похищение человека и захват заложника: проблемы уголовно-правовой квалификации [Текст] // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2009. - № 1. - С. 218-221.

²⁵Хлыстов А.Н. Проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. Ст. 205, 206, 281 УК РФ [Текст] // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. - 2010. - № 4. - С. 137-139.

²⁶Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации: Особенная часть [Текст] / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. - М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2016. - 592 с.

²⁷Боровиков, В.Б. Оценка применения насилия при захвате заложника [Текст] / В.Б. Боровиков // Уголовное право. - 2016. - № 2. - С. 19.

захвата заложника (ч. 1 ст. 206 УК РФ). Главный аргумент - особенности способа совершения данного преступления²⁸.

Согласно ч. 1 ст. 206 УК РФ объективная сторона преступления заключается в захвате или удержании лица в качестве заложника. И, собственно, захват заложника (т.е. противоправное ограничение физической свободы того или иного человека) и удержание его в таком качестве (т.е. противоправные действия, препятствующие физической свободе лица), по сути, подпадают под понятие насилия, не опасного для жизни или здоровья, сложившегося в судебной практике. Именно так, т.е. как не опасное для жизни и здоровья насилие, трактуется ограничение свободы в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»²⁹.

Возникает вопрос и при квалификации захвата заложника, совершенного с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Охватываются ли подобные случаи п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ или они подлежат квалификации по ч. 1 этой статьи? Думается, здесь надо воспользоваться буквальным толкованием закона, которое дает ответ на этот вопрос в пользу квалификации такого деяния по ч. 1 ст. 206 УК РФ. Учитывая суровость санкции этой уголовно-правовой нормы, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет, анализируемая угроза может иметь достаточно широкий диапазон: от угрозы нанесения побоев, совершения действий, причиняющих физическую боль, истязаний до угрозы изнасилованием, убийством³⁰. К угрозе в данном случае можно отнести и физическое воздействие, и даже только жесты, демонстрирующие потерпевшему возможность причинения серьезного вреда жизни и здоровью, например хватание за горло, надавливание на глаза, демонстрацию возможности разорвать пальцами рот и др.³¹

Пункт «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ предусматривает повышенную ответственность

²⁸Бриллиантов, А. Насилие и угроза применения насилия при совершении изнасилования [Текст] / А. Бриллиантов // Уголовное право. 2014. - № 5. - С. 22.

²⁹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «Консультант Плюс. - 2017.

³⁰Безверхов, А. Понятие и виды насилия в уголовном праве России: вопросы правотворчества и правоприменения [Текст] / А. Безверхов // Уголовное право. 2014. - № 4. - С. 13.

³¹Бриллиантов, В. Похищение человека или захват заложника? [Текст] / В. Бриллиантов // Российская юстиция 1999. - № 9. - С. 43.

за захват заложника с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Хотя законодатель в данном случае не применяет термин «насилие», можно согласиться с мнением ряда исследователей, что все преступления, в которых в качестве признака состава названо применение оружия либо предметов, используемых в его качестве, сопряжены с насилием, причем опасным для жизни или здоровья³². Так, к применению вооруженного насилия следует относить не только использование оружия для причинения вреда жизни или здоровью, но и угрозу использовать его по назначению.

При уголовно-правовой оценке захвата заложника с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, суды квалифицируют содеянное только по п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ.

Так, по п. п. «а», «г», «ж», «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ осуждены Г. и И., которые, отбывая наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, захватили в заложники шесть сотрудников из числа персонала медицинской части данного учреждения. При этом они приставляли к горлу женщин кухонные ножи, скальпели, сопровождая свои действия угрозами расправы вплоть до убийства. Кроме этого, Г. и И. выдвинули требования, адресованные администрации исправительной колонии, выпустить их из места лишения свободы, предоставив при этом автомобиль, заправленный бензином, денежные средства в размере 40 тыс. руб., мобильный телефон для ведения переговоров и огнетушители как условие освобождения заложников. Требования были выполнены, после чего трех женщин освободили. Прикрываясь оставшимися заложниками, они попытались вместе с ними сесть в предоставленный администрацией исправительной колонии автомобиль, но были задержаны.

В пользу этого вывода служит и то обстоятельство, что за захват заложника с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ), и с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ), предусмотрено одинаковое наказание лишение свободы на

³² Векленко, В., Зайцева, Е. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия [Текст] // Уголовное право. - 2009. - № 2. - с. 23.

срок от 6 до 15 лет с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет. Подобная квалификация вооруженных случаев захвата заложников соответствует буквальному толкованию уголовного закона.

Если же в процессе захвата заложника, сопровождавшегося применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, был умышленно причинен вред здоровью потерпевшего (но не смерти), содеянное с учетом нынешней редакции ст. 206 УК РФ, должно квалифицироваться по п. п. «в» и «г» этой статьи³³.

Так, приговором Пермского краевого суда от 18 января 2010 г. за ряд преступлений, в том числе и по п. п. «в», «г», «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ был осужден И., который, придя в помещение касс на железнодорожном вокзале города, вооружившись ножом, напал сзади на посетительницу ФИО-1, приставил его лезвие к ее шее и потребовал от кассиров передать ему денежные средства, находящиеся в кассах вокзала. В противном случае И. угрожал убить ФИО-1. Последняя оказала ему сопротивление, но И. в целях ее удержания в качестве заложника нанес женщине ножом резаную рану левой кисти, а также причинил телесные повреждения в виде ссадины на шее, кровоподтеков на лице, относящихся к легкому вреду здоровью.

Действия И. были пресечены сыном потерпевшей ФИО-4, а также сотрудниками милиции.

Уясняя понятие применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, целесообразно руководствоваться рекомендациями, сформулированными в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

При насильственном захвате или удержании лица в качестве заложника в составе организованной группы, т.е. устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения данного преступления, необязательно, чтобы все участники указанной группы применяли насилие или угрозу подобного насилия по отношению к потерпевшему (организатор может осуществлять руководство,

³³Боровиков, В.Б. Оценка применения насилия при захвате заложника [Текст] / В.Б. Боровиков // Уголовное право. – 2016. - № 2. – С. 22.

находясь вне места совершения преступления, при помощи средств мобильной связи).

В качестве примера здесь можно привести действия группы лиц под руководством Б.М.Б., вооруженных огнестрельным оружием, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, которые 23 октября 2002 г. в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения и оказания воздействия на органы власти РФ по принятию решения о выводе федеральных войск с территории Чеченской Республики осуществили приведший к гибели значительного числа людей захват заложников общей численностью 916 человек, находившихся на просмотре мюзикла «Норд-Ост» в Доме культуры на улице Дубровка в г. Москве.

Применение насилия или угрозы его применения порой имеют место при захвате заложника, повлекшего по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 206 УК РФ). Например, такие случаи возникают при захвате заложника, которого помещают без учета состояния его здоровья в холодное или душное с высокой температурой помещение, что вызывает у него смерть вследствие сердечного приступа, инфаркта, инсульта и т.п.

Подобная квалификация содеянного, в частности, имела место при похищении человека (преступления, которое сходно по внешним признакам с захватом заложника). Группа лиц в составе М., С-кина и П. по предварительному сговору совершили захват К., сопровождавшийся избиением потерпевшего. В течение нескольких часов его удерживали на 26-градусном морозе, в снегу, затем поместили в холодный гараж, где он находился до 4 часов утра. Когда его переместили в отапливаемое помещение, К. скончался от сердечно-сосудистой и дыхательной недостаточности, вызванной общим переохлаждением организма³⁴.

Под иными тяжкими последствиями в данном случае следует понимать, например, причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью, самоубийство заложника, наступление у него тяжелого психического расстройства, значительное обострение межнациональных отношений и др.

³⁴Бязров, В.Г Разграничение захвата заложника и похищения человека: вопросы квалификации [Текст] // Российский следователь. – 2015. - № 1. – С. 22.

При привлечении к ответственности за захват заложника, когда это деяние совершено с двумя формами вины, факт применения насилия или угрозы его применения не квалифицируется, учитывая, что санкция ч. 3 ст. 206 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет с ограничением свободы на срок от 1 до 2 лет, тогда как наказание за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ) может быть назначено не более чем на 15 лет лишения свободы с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового.

По ч. 4 ст. 206 УК РФ ответственность наступает за захват заложника, предусмотренный ч. 1 или ч. 2 данной статьи, если он повлек умышленное причинение смерти человеку. Речь здесь, таким образом, идет о применении насилия, опасного для жизни. Правильным является мнение Л.Д. Гаухмана, согласно которому насилие, опасное для жизни или здоровья, - это физическое насилие, повлекшее умышленное причинение потерпевшему смерти, тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью либо представляющее собой по способу в момент применения реальную опасность для его жизни или здоровья.

Однако судебная практика не включает умышленное причинение смерти потерпевшему в понятие насилия, опасного для жизни или здоровья. Думается, это связано с тем, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ касаются применения норм об ответственности за преступления, основные либо квалифицированные составы которых не предусматривают применение насилия в виде умышленного причинения потерпевшему смерти.

В подобных ситуациях подход Пленума Верховного Суда РФ обоснован. Вместе с тем сама законодательная формулировка «насилие, опасное для жизни» буквально означает, что это насилие, которое приводит или к умышленному причинению смерти потерпевшего или созданию как минимум реальной угрозы ее наступления.

В ч. 4 ст. 206 УК РФ речь идет о захвате заложников, связанном с реальным умышленным причинением потерпевшим смерти, т.е., по сути, с убийством. В настоящее время подобный случай, если исходить из буквального толкования закона, должен квалифицироваться только по ч. 4 ст. 206 УК РФ. Эту позицию

поддерживает и Пленум Верховного Суда РФ, который в сходной ситуации применительно к ст. 205 УК РФ в п. 9 Постановления от 9 февраля 2012 г. N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъяснил, что в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум или более лицам), содеянное охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требуется³⁵.

Однако, как показала проведенная 24 апреля 2014 г. Верховным Судом РФ научно-практическая конференция «Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений», далеко не все ее участники поддерживают такой подход Верховного Суда РФ - спорность его была отмечена рядом специалистов.

В качестве уязвимых моментов анализируемого решения Пленума Верховного Суда РФ были выделены, в частности, такие как его противоречие сложившейся судебной практике, согласно которой совершение преступлений, сопряженных с убийством, требует дополнительной квалификации (см., например, п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве»)³⁶. Сопряженные с убийством преступления, в том числе и захват заложника, менее опасны, чем само убийство, а следовательно, они не могут поглощать более опасное преступление; принижается роль жизни человека в качестве непосредственного объекта, «растворяемого» в других общественных отношениях, охраняемых уголовным законом (например, в общественных отношениях, регулирующих основы общественной безопасности); игнорируется и то обстоятельство, что убийство может совершаться при наличии квалифицирующих признаков (например, предусмотренные п. п. «а», «д», «е» ст. 105 УК РФ); конструкция ст. 206 УК РФ не предусматривает ответственность за деяние, которое вызывает умышленное причинение смерти человеку.

Вместе с тем в ч. 2 ст. 105 УК РФ на сопряженность убийства с захватом

³⁵Ершов, М. Актуальные вопросы квалификации недопущения, ограничения или устранения конкуренции, совершенных с применением насилия или угрозой его применения [Текст] // Уголовное право. - 2014. - № 5. - С. 32.

³⁶Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве» // СПС «Консультант Плюс». - 2017.

заложника указания нет. Кроме того, в описании составов преступлений, которые закон называет сопряженными с убийством (ст. ст. 126, 131, 163 и др. УК РФ), убийство или умышленное причинение смерти человеку не предусмотрено. Поэтому в действительности, приведенные в предыдущем абзаце в качестве доводов в пользу совокупности преступлений упреки следует адресовать не высшему судебному органу, а законодателю. Поскольку, исходя из нынешней редакции закона, совокупность захвата заложника и убийства оказывается, повторяю, невозможной.

Но по указанию законодателя (п. 2 ч. 6.1 УПК РФ) дела о преступлениях, которые входят в понятие террористической деятельности (в том числе и по ч. 4 ст. 206 УК РФ), учитывая объективные сложности в получении и исследовании подтверждающих виновность лица доказательств, нередко требующих использование специальных знаний, недопущение случаев разглашения сведений, составляющих государственную тайну, необходимость обеспечения личной безопасности участников уголовного судопроизводства и другие обстоятельства, подсудны Московскому окружному военному суду и Северо-Кавказскому окружному военному суду.

Таким образом, здесь мы видим исключение из общих правил квалификации по совокупности преступлений, обусловленное интересами борьбы с преступлениями террористической направленности.

2.3. Отграничение захвата заложника от похищения человека

Статьей 126 УК РФ преступным признается похищение человека, ст. 206 УК РФ - захват или удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника.

При решении вопроса об отграничении похищения человека от захвата заложника суды испытывают немалые сложности.

Так, ошибочно квалифицированы по совокупности похищения человека и

захвата заложника действия З.П. и К.О., которые захватили и удерживали Б.С. и Ф.Ю., чтобы понудить Ф.И. заплатить несуществующий долг, также они хотели, чтобы Ф.И. убедил А. не обращаться в милицию по факту завладения его автомашиной и вымогательства у него денег, которые были ранее совершены З.П. Президиум Верховного Суда РФ указал, что действия З.П. и К.О. полностью охватываются ст. 206 УК РФ как захват и удержание Б.С. и несовершеннолетней Ф.Ю. в качестве заложников в целях понуждения Ф.И. явиться к ним и заставить его воздействовать на А., чтобы они не обращались в правоохранительные органы по поводу завладения З.П. автомашиной А.В. и по поводу вымогательства у него денег³⁷.

Таким образом, высшей судебной инстанцией сделан вывод: идеальная совокупность похищения человека и захвата заложника невозможна. Нормы рассматриваемых статей конкурируют между собой.

Усложняет квалификацию отсутствие понятия «похищение человека» в УК РФ. Восполнил пробел Президиум Верховного Суда РФ, указав в Постановлении по делу Абдуллина от 4 октября 2000 г.: «По смыслу закона под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением его с постоянного или временного местонахождения в другое место и последующим удержанием в неволе. Основным моментом объективной стороны данного преступления является захват потерпевшего с места его нахождения и перемещение с целью последующего удержания в другом месте».

Однако из данного толкования (безусловно необходимого в отсутствие легальной дефиниции) позиция Президиума Верховного Суда РФ остается не до конца ясной. Следует ли из разъяснения высшей судебной инстанции то, что в объективную сторону состава похищения входят три действия: захват, перемещение и удержание потерпевшего (по смыслу первого предложения) или же объективная сторона состоит только из двух действий (как можно понять из второго предложения), а именно: захвата и перемещения с целью удержания?

³⁷Постановление президиума Ивановского областного суда от 23 ноября 2007 г. N 44-у-152 // СПС «КонсультантПлюс».

Приходится констатировать, что в судебной практике не сформировалось единого понимания того, какие действия входят в объективную сторону состава похищения человека. Сложилось три варианта описания объективной стороны похищения человека в судебной практике. В одних случаях имеет место полное дублирование Определения Верховного Суда РФ (приводятся и первое, и второе предложение). В других же суды, опираясь на первое предложение в вышеприведенном Определении Верховного Суда РФ, включают в объективную сторону похищения человека захват, перемещение и удержание. Например, в Постановлении президиума Челябинского областного суда указывается, что «... Т.А. были выполнены действия, предусмотренные объективной стороной такого состава преступления, как похищение человека - изъятие человека из естественной для него среды, перемещение с места постоянного пребывания и удержание с лишением свободы вопреки его воле».

При третьем варианте квалификации суды берут за основу второе предложение и соответственно в объективную сторону ими включается только захват и перемещение. Так, в кассационном определении Пермского краевого суда отмечается, что «... объективная сторона похищения включает два обязательных действия: захват лица и его перемещение. Захват подразумевает неправомерное установление физической власти, сопряженное с ограничением физической свободы, возможно, с насилием. Для признания похищения окончанным преступлением необходимо совершение перемещения лица в другое место по усмотрению похитителя с целью удержания»³⁸.

Практика Верховного Суда РФ также достаточно разнообразна. Например, по делу Узунова высшая судебная инстанция вроде бы однозначно описала объективную сторону похищения человека как трехэлементное деяние: «Объективная сторона похищения человека выражается в захвате человека, перемещении его и удержании в другом месте». С другой стороны, спустя всего четыре месяца по делу Иванова Верховный Суд РФ дал толкование похищения человека как двухэлементного деяния: «По смыслу закона под похищением

³⁸Приговор Верещагинского районного суда Пермского края по делу от 26 апреля 2011 г. N 187/2011 // Интернет-сайт Верещагинского районного суда. URL: <http://veresh.perm.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.10.2015).

человека следует понимать противоправные умышленные действия, связанные с изъятием и перемещением живого человека против его воли в другое место с целью последующего удержания. Отметим, что и толкование Верховного Суда РФ 2000 г. по делу Абдуллина не перестало использоваться судами³⁹.

Понятие похищения человека в судебной практике по сравнению с определением Верховного Суда РФ 2000 г. модифицировалось, часто стало применяться сопоставление прежнего (где лицо находилось до похищения) и нового мест пребывания похищенного, правоприменители начали обращать внимание на то, что при похищении человека потерпевший изымается из привычной системы социальных связей. Например, в описание состава включено указание на то, что «...в результате похищения потерпевший реально лишается свободы передвижения в пространстве, новое место пребывания является нетипичным относительно его обычного жизненного распорядка...», «...под похищением человека следует понимать противоправные действия, сопряженные с... изъятием его из естественной микросоциальной среды...».

Теперь перейдем к решению вопроса о конкуренции ст. 126 УК РФ и ст. 206 УК РФ. Доктриной выработано несколько критериев разграничения указанных составов, однако проблема состоит в их практической применимости. Одним из доктринальных критериев разграничения составов похищения человека и захвата заложника является основной непосредственный объект (соответственно, объект похищения человека - личная свобода, а объект захвата заложника - общественная безопасность). Но установить, на какой именно объект произошло посягательство, исходя из фактических обстоятельств дела сложно, поэтому данный критерий не имеет большой ценности для правоприменителя.

Второй критерий - адресат требования.

Так, А.Н. Попов полагает, что, если имущественные требования предъявляются к самому похищенному - это похищение человека, если к другим лицам - это захват заложника⁴⁰. К заложникам в отличие от похищения человека

³⁹ Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам от 3 апреля 2014 г. N 78-АПУ14-14СП // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=586896 (дата обращения: 03.05.2017).

⁴⁰ Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах [Текст]. СПб., 2003. – С. 317.

требования не предъявляются, они являются как бы «товаром», которым преступники будут расплачиваться, если их требования не будут выполнены⁴¹. Однако, по нашему мнению, данный критерий не является универсальным.

Во-первых, из ст. 126 УК РФ не следует, что соответствующие требования могут предъявляться только похищенному. Так, М. и Б. осуждены за похищение К. из корыстных побуждений, с целью последующего требования от родственников К. денежных средств за его освобождение. М. требовал от родственников К. выкупа по электронной почте, а также заставлял К. звонить им и сообщать о необходимости перевода денежных средств на указанный захватчиками расчетный счет⁴².

С другой стороны, формулировка диспозиции нормы о захвате заложника также позволяет говорить о том, что при захвате заложника требования могут быть предъявлены и самому заложнику - в ст. 206 УК РФ говорится о лице, которое захватывается или удерживается в качестве заложника, и о гражданине, которого преступник хочет понудить совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника. И ничто не говорит о том, что названные «лицо» и «гражданин» не могут совпадать. Для сравнения приведем ч. 1 ст. 1 Конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г.: «любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо (здесь и далее именуемое как «заложник»), для того чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц - совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника, совершает преступление захвата заложника по смыслу настоящей Конвенции». Как мы видим, в Конвенции о борьбе с захватом заложников прямо указывается на третье лицо в качестве адресата требования, чего в ст. 206 УК РФ нет.

⁴¹Преступления против личности: законодательство и судебная практика (2003 - 2012 гг.) [Текст]: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Б. Боровиков. М.: РАП, 2012. – С.122.

⁴²Скляров С.В. Захват заложников и его отграничение от похищения человека и незаконного лишения свободы [Текст] // Актуальные проблемы общественной безопасности: тезисы всероссийской научно-практической конференции [Текст]. – Иркутск, 1996. – С. 47.

Во-вторых, А.Н. Попов упоминает только об имущественных требованиях, обходя молчанием вопрос о том, как квалифицировать деяние, если предъявляются требования неимущественные (например, дать свидетельские показания против какого-либо лица). Как представляется, предъявление таких требований возможно как при похищении человека, так и при захвате заложника⁴³.

В-третьих, захват заложника окончен с момента захвата или удержания. Если при этом будет установлено, что захват и удержание заложника преследовали цель в виде соответствующего понуждения, то сам факт предъявления требований остается за рамками состава, в этом смысле он не важен для квалификации. Наличие указанной цели у захватчика может быть установлено, например, на основе показаний его соучастников, хотя, безусловно, предъявление требований доказывает цель захвата заложника: цель через требование объективируется вовне.

В-четвертых, ученым не учитывается, что требования виновные могут предъявить одновременно и к потерпевшему, и к третьим лицам (например, от потерпевшего преступники требуют выдать чек, а от третьих лиц - предоставить выкуп в определенном размере). И как быть в том случае, когда потерпевшему предъявляется требование предоставить выкуп в размере 20000 руб., а от третьих лиц требуют выкуп в размере 50000 руб.? Квалифицировать как захват заложника в силу того, что от третьих лиц требовали большую сумму, чем от потерпевшего? Мы полагаем, что размер требований не имеет значения при квалификации, в противном случае правоприменитель неизбежно зайдет в тупик (например, в случае если от потерпевшего и от третьих лиц виновные требуют выкуп в одинаковом размере).

Кроме того, если мы принимаем за основу критерий адресата требования, возникает и вопрос о том, как квалифицировать деяние в случае предъявления требований, которые сложно или невозможно оценить. Например, от потерпевшего требуют издания нормативно-правового акта, а от третьих лиц - проведения экономических реформ.

Правда, А.Н. Попов допускает квалификацию по совокупности ст. ст. 126 и

⁴³Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах [Текст]. СПб., 2003. – С. 321.

206 УК РФ в случае, если сначала имущественные требования предъявлялись похищенному, а потом его родственникам. Но и это, однако, довольно спорная позиция. Реальная совокупность, которую, очевидно, имеет в виду исследователь, представляет собой совершение двумя или более действиями (актами бездействия) двух или более преступлений (тождественных или разных), ни за одно из которых лицо не было осуждено⁴⁴ Однако предъявление требований не входит в объективную сторону ни состава похищения человека, ни состава захвата заложника, т.е. в ситуации, описанной А.Н. Поповым, совокупность преступлений невозможна, и мы снова сталкиваемся с вопросом о квалификации либо по ст. 126, либо по ст. 206 УК РФ⁴⁵.

Таким образом, обсуждаемые обстоятельства не получается признать критерием для разграничения анализируемых составов преступления.

Исследователями также указывается на то, что при похищении жертва не просто лишается свободы, а обязательно удаляется с места постоянного пребывания и помещается в другое место, избранное похитителем, причем это место оказывается не известно близким, знакомым похищенного и правоохранительным органами⁴⁶. Представляется, что правоприменительная практика не придает особого значения данному обстоятельству. Проиллюстрируем это следующим примером:

К., Ш. и М. похитили А2, удерживая в квартире. Они требовали, чтобы А2 позвонил своему брату А. и вызвал его на автобусную остановку. А2 подчинился их требованиям и позвонил А. Ш. и М. встретили А. на остановке, сказали, что А2 находится у них, и потребовали, чтобы А. пошел за ними. А., опасаясь за жизнь и здоровье своего брата, пришел с ними в квартиру, где удерживался А2. К., Ш. и М. потребовали от А. денег. У А. не оказалось требуемой суммы, тогда захватчики сказали, что А2 будет находиться у них в качестве заложника, пока А. не принесет деньги. А. ушел из квартиры и сообщил о случившемся своему родственнику,

⁴⁴Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах [Текст]. СПб., 2003. – С. 326.

⁴⁵Там же. С. 333.

⁴⁶Ушакова Е.В. Отграничение похищения человека от захвата заложника - вопросы согласования и рассогласования [Текст] // Российский следователь. - 2010. - № 9. - С. 23.

который вызвал милицию. К., Ш., М. были задержаны⁴⁷.

В данном случае содеянное было квалифицировано по ст. 126 УК РФ, несмотря на то что А. знал о месте нахождения своего брата А2.

В качестве критерия предлагается и то, что при захвате заложника его личность в отличие от похищения человека, как правило, не интересует преступника, так как он является в первую очередь средством давления на адресата, указанного в законе⁴⁸. При захвате заложника виновный его не знает, при похищении человека виновный, как правило, знает потерпевшего, его личность имеет значение для похитителя и это обуславливает его действия⁴⁹. М.Ю. Павлик, раскрывая данный критерий, указывает, что при захвате заложника у виновных нет личных взаимоотношений с заложниками, которые бы обуславливали их соответствующие действия, нет у преступников и личных претензий к заложникам⁵⁰.

Действительно, довольно часто, например, при разбое, преступники, не успев покинуть место преступления до прибытия правоохранительных органов, берут в заложники первых попавшихся им лиц (сотрудников банка, случайных прохожих), чтобы беспрепятственно скрыться, прикрываясь «живым щитом». Однако делать из этого вывод о том, что личность потерпевшего выступает в качестве критерия разграничения похищения человека от захвата заложника, нам кажется необоснованным по нескольким причинам.

Во-первых, похищенный также может выступать в качестве инструмента оказания давления на адресата предъявления требования (третье лицо). Во-вторых, при захвате заложника по найму преступники реализуют задание заказчика в отношении намеченной им жертвы. В этом случае захват указанного заказчиком лица - условие выплаты им вознаграждения от заказчика. Как же может личность заложника их не интересовать? В-третьих, и между захватчиком и

⁴⁷Уголовное право России [Текст] : Учебник в 2-х томах: Т. 2: Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М.: ИНФРА-М, 2016. – С. 217.

⁴⁸Уголовное право: Особенная часть [Текст] : Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М.:ИНФРА-М-НОРМА, 2017. – С. 125.

⁴⁹Там же. С. 133.

⁵⁰Павлик М.Ю. Отграничение захвата заложника от смежных с ним составов преступлений по УК РФ [Текст] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2006. - № 1. – С. 215.

заложником могут существовать личные взаимоотношения, как в следующем случае.

Б., опасаясь задержания и не желая идти добровольно в опорный пункт милиции, не подчинился требованию участкового инспектора. Он выхватил из кровати своего малолетнего сына. Затем стал высказывать угрозы убийством ребенка, требуя, чтобы жена и участковый инспектор ушли. Для создания видимости реальной угрозы жизни ребенка он сел на подоконник, разбил стекло в окне, взял осколок стекла, который приставил к голове ребенка и грозился выпрыгнуть вместе с ребенком из окна квартиры. Он требовал, чтобы сотрудник милиции выпустил его из комнаты и дал ему возможность покинуть общежитие⁵¹.

В данном случае захватчик знал заложника, между ними существовали личные взаимоотношения, поскольку Б. был отцом ребенка.

Афишируемость (публичный характер) требований также выдвигается в качестве критерия, отграничивающего похищение человека от захвата заложника. При захвате заложника гражданину, государству или организации (третьему лицу) предъявляется требование совершить действие или воздержаться от совершения действия как условие освобождения заложника. Чтобы третье лицо совершило действие (или воздержалось от совершения действия), преступнику необходимо их уведомить о том, что они должны сделать (или чего не делать), отсюда - афиширование им своих требований.

Казалось бы, такой подход логичен. Однако и при похищении человека преступнику нередко требуется проинформировать третьих лиц о том, что они должны сделать. Таким образом, афишируемость требований не исключается и при похищении человека.

Еще одним критерием разграничения указанных составов в доктрине уголовного права называется цель. Обязательным признаком субъективной стороны захвата заложника в отличие от похищения человека является специальная цель понуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо

⁵¹ Уголовное право: Особенная часть [Текст] : Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2017. – С. 339.

действия как условие освобождения заложника⁵².

Позволим себе не согласиться и с предлагаемым критерием, поскольку при похищении человека похититель одновременно с целью удержания может преследовать и цель понуждения к совершению действий (воздержанию от их совершения). Согласны лишь в том, что, исходя из понимания данного состава Верховным Судом РФ (о чем говорилось выше), отсутствие у захватчика цели удержания исключает квалификацию по ст. 126 УК РФ, но допускает квалификацию по ст. 206 УК РФ, и вот пример.

Б. незаконно проник в дом, где периодически проживал Я., и стал искать деньги, пока не был застигнут Я. После этого Б. потребовал от Я. передачи ему денег. Я. согласился, пояснив Б., что необходимо проехать к Я. домой за деньгами.

Б. с Я. на автомобиле Я., в котором находилась малолетняя внучка Я., проехали к дому потерпевшего. По приезде к дому Я. Б. решил добыть указанную сумму путем удержания заложника. Для понуждения Я. отдать деньги как условие освобождения внучки Я., Б., угрожая ножом внучке Я., потребовал передачи ему денег, удерживая при этом в машине в качестве заложника малолетнюю внучку Я. до тех пор, пока Я. не сходил в дом и не передал Б. деньги. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что доводы Б. о пересмотре дела с исключением из приговора удержания в качестве заложника внучки Я. по существу несостоятельны и фактически опровергаются материалами дела, из которых видно, что Я. вынужден был сходить в дом и принести деньги в связи с тем, что Б. с ножом в руках удерживал в качестве заложницы его внучку⁵³.

В данном случае суд правильно квалифицировал деяние Б. как захват заложника, а не похищение человека, поскольку перемещение осуществлялось не с целью удержания, что вполне очевидно ввиду того, что умысел на удержание внучки Я. возник у Б., только когда Б. и Я. приехали к дому Я. Вместе с тем данный пример не позволяет предложить критерии для разграничения

⁵²Ушакова Е.В. Отграничение похищения человека от захвата заложника - вопросы согласования и рассогласования [Текст] // Российский следователь. - 2010. - № 9. - С. 23.

⁵³Шарапов Р. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений [Текст] // Уголовное право. - 2015. - № 1. - С. 22.

обсуждаемых конкурирующих норм, если цель удержания у виновного была.

Рядом криминалистов предлагается отграничивать рассматриваемые смежные составы в зависимости от того, было ли осуществлено перемещение потерпевшего или нет. В описании объективной стороны захвата заложника его перемещение действительно не упомянуто. Однако нет указания на такое перемещение и в простой диспозиции ч. 1 ст. 126 УК РФ. Тогда как перемещение похищенного/захваченного может относиться и к одному, и к другому составу.

Так, после разбойного нападения на семью М. Тарасунов и П. с целью понуждения государства в лице правоохранительных органов, прибывших по сигналу тревоги, воздержаться от принятия мер по их задержанию и с целью обеспечения им свободного выхода с территории домовладения захватили потерпевшую М. в качестве заложника. Передав свои условия сотрудникам милиции и прокуратуры через М., Тарасунов М. и П. насильно удерживали М. в доме⁵⁴. Затем, получив заверения представителей власти о выполнении их условий, с целью безопасного отхода с места преступления насильно переместили М. в автомашину, принадлежащую М. Добившись прекращения попыток задержания, удерживая в качестве заложника М., преступники скрылись. Их действия квалифицированы по ст. 206 УК РФ. Вместе с тем отметим, что если потерпевший не перемещался (происходили только захват и удержание), то квалификация по ст. 126 УК РФ невозможна. В данном случае возникает конкуренция норм ст. ст. 127 и 206 УК РФ. Данная конкуренция решается в пользу специальной нормы, закрепленной в ст. 206 УК РФ. Ошибочным, на наш взгляд, является выделение такого критерия отграничения исследуемых смежных составов, как момент окончания преступлений⁵⁵. Для того чтобы определить, когда преступление считается оконченным, нужно сначала определить, какое преступление совершено.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

⁵⁴Черных С. А. Похищение человека и захват заложника: проблемы уголовно-правовой квалификации [Текст] // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2009. - № 1. - С. 220.

⁵⁵Склярков С.В. Захват заложников и его отграничение от похищения человека и незаконного лишения свободы [Текст] // Актуальные проблемы общественной безопасности: тезисы всероссийской научно-практической конференции [Текст]. - Иркутск, 1996. - С. 47.

1. В правоприменительной практике при отсутствии легального определения похищения человека объективная сторона данного состава определяется как двухэлементное (захват, перемещение) или трехэлементное деяние (захват, перемещение, удержание). Однако устойчивой судебной практики даже на уровне Верховного Суда РФ по этому вопросу к настоящему моменту не сложилось. Необходимо в постановлении Пленума или, допустим, в ответах на вопросы судов, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ (такого рода документы в последние годы неоднократно принимались высшим судебным органом), дать определение похищения человека, указав в качестве обязательного признака состава цель. На наш взгляд, наиболее приемлем такой вариант дефиниции: похищение человека - противоправные умышленные действия, связанные с захватом и перемещением живого человека против его воли в другое место с целью последующего удержания.

2. Выработанные доктриной критерии разграничения похищения человека и захвата заложника, как правило, не следуют из закона. Некоторые из них (например, непосредственный объект преступления) не имеют практической ценности, другие не являются универсальными (адресат требований, известность места удержания третьим лицам, публичный характер требований, личные взаимоотношения между захватчиком и потерпевшим), третьи представляются в принципе ошибочными (момент окончания похищения человека и захвата заложника).

3. В условиях противоречивой судебной-следственной практики и отсутствия универсальных теоретических критериев разграничения рассматриваемых составов у высшей судебной инстанции есть, думается, только один выход - в своем толковании уголовного закона воспользоваться избранной ей самой определенным набором предлагаемых теоретиками и судами критериев и, так сказать, волевым образом придать этим критериям юридическую силу, вытекающую из источникового *de facto* характера документов высшего суда. Иными словами, следует договориться о таких критериях, пусть они с чьей-то точки зрения и небесспорны, поскольку в противном случае о стабильности судебной практики говорить не приходится.

4. На наш взгляд, к таким критериям можно отнести наличие цели удержания, публичный характер требований, известность места удержания третьим лицам.

5. Наличие цели удержания при захвате и перемещении должно исключать квалификацию по ст. 206 УК РФ, даже если виновное лицо преследовало и цель предъявления требований, и цель удержания одновременно, поскольку диспозиция ст. 206 УК РФ не включает перемещение в объективную сторону состава захвата заложника, а ст. 126 УК РФ в этом случае полнее описывает содеянное. Если имел место только захват потерпевшего, и при этом захватчик преследовал две вышеупомянутые цели, то встает вопрос о квалификации либо по ст. 206 УК РФ, либо по ч. 3 ст. 30, ст. 126 УК РФ. На наш взгляд, в этом случае содеянное следует квалифицировать как покушение на похищение человека, если будет установлено намерение захватчика удерживать потерпевшего в другом месте. Об этом может свидетельствовать наличие транспортного средства для перемещения потерпевшего, подготовка места планируемого удержания, наличие соучастника, который должен был выполнять функции «сторожа» потерпевшего в месте удержания.

Если захватчик, несмотря на наличие возможности удерживать потерпевшего и предъявить требования в месте захвата, намеревался сначала переместить и удерживать его в другом месте, а уже затем предъявить требования, то очевидно, на наш взгляд, что цель удержания являлась главной, доминирующей для виновного, этой цели подчинены все его действия. Цель предъявления требований в этом случае существует в сознании захватчика наряду с целью удержания потерпевшего в другом месте, но носит более отдаленный и второстепенный характер. Для захватчика важно прежде всего реализовать цель удержания.

6. Публичность требований, на наш взгляд, может выступать в качестве критерия разграничения рассматриваемых составов при ограничительном ее толковании. В таком случае под публичностью требований следует понимать распространение требований с использованием СМИ и/или в общественных местах (школы, больницы, театры, стадионы, площади и т.д.), обращение требований к государственным органам (прежде всего к правоохранительным

органам), общественно-политическим организациям, общественным и государственным деятелям (в том числе и без использования СМИ, и не в общественных местах). Если же захватчик стремится при выдвижении требований к конфиденциальности (требования обращаются только к родственникам или иным близким для потерпевшего лицам без использования СМИ), то публичность исключается.

7. Проведенное нами обобщение судебной практики позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев известность места удержания присуща именно захвату заложника. Наиболее характерны, с нашей точки зрения, три ситуации захвата заложника: а) при совершении другого преступления преступник оказывается под угрозой задержания правоохрнительными органами, заложник используется для отступления; б) ситуация бытового конфликта, в результате которого в заложниках оказываются родственники или иные близкие виновному лица; в) ситуация, при которой захват заложника осуществляется членами террористической организации или террористического сообщества (характерна тщательная подготовка, проработка деталей, обстановка публичности, афиширование своих требований). Во всех этих ситуациях место удержания заложника известно, так как преступники или не успевают скрыться с заложниками или вовсе не преследуют такую цель.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Способы совершения террористических акций – непосредственное совершение преступлений террористического характера – может совершаться в форме взрыва, поджога, применения или угрозы применения ядерных взрывных устройств, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, отравляющих, сильнодействующих, ядовитых веществ; уничтожения, повреждения или захвата транспортных средств или других объектов; посягательств на жизнь государственного деятеля, представителя национальных, этнических, религиозных или иных групп населения; захвата заложников, похищения человека и др.

Захват заложника является одним из способов совершения террористической акции.

В соответствии со Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 г. все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Каждый имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность. Поэтому захват заложников, представляющий особую опасность и нередко носящий транснациональный характер, признается преступлением международного масштаба. В соответствии с Европейской конвенцией по борьбе с терроризмом, подписанной членами Европейского Совета 27 января 1977 г. в Страсбурге и одобренной Комитетом министров Европейского совета, правонарушениями, относящимися к ее сфере, наряду с предусмотренными Гаагской и Монреальской конвенциями по борьбе с преступлениями против гражданской авиации и на борту воздушного судна (посягательство на жизнь, здоровье и свободу лиц, имеющих право на международную защиту; использование бомб, гранат, ракет, автоматического оружия, писем и посылок-ловушек) относятся также похищение, взятие заложников и незаконное лишение свободы.

Заложник воспринимается сейчас всего лишь как *res*, пройдя через этапы *hospes* и *obses*. Его положение, которое всегда было незавидным, сегодня дошло

до последнего предела деградации. Эта деградация - не просто дело рук тех, кто берет заложников. Она отражает нынешнюю асимметрию конфликтов и, в еще большей степени, является результатом жестокой иронии истории. На Западе с течением времени концепция ценности человеческой жизни вступила в фазу мощного и устойчивого расцвета. Этот частный случай пытаются представить, как универсальную модель. Соответственно, он вызывает озлобление в тех обществах, которые, стремясь сохранить свою идентичность, или по причине структурной слабости упорно отвергают пример, представляемый таким образом. В качестве ответной реакции, то же самое развитие общества порождает антагонизм, приводит к изобретению новых видов оружия. Наиболее эффективны те из них, боеприпасы для которых поставляет оно само. Неудивительно, что представители Запада, с их личностным самосознанием, демократическими идеалами, источниками информации и политическими правами могут сами стать инструментами нападений, объектом которых они являются. Таким образом, эта деградации роли заложников не только обратно пропорциональна улучшению их статуса как индивидов, но и тесно с ним связана. Именно потому, что они убеждены в своем высоком человеческом достоинстве, их похитители унижают их. И именно в силу своей невинности и страдания заложник становится такой терзающей и не дающей покоя фигурой.

Для объективной стороны этих деяний характерен общепасный способ совершения преступления, т.е. осуществление их совокупностью таких приемов и методов, которые ставят в опасность жизнь, здоровье, собственность и т.д. многих лиц (нападение, взрывы, поджоги, применение насилия и т.д.). Ущерб может быть причинен различным интересам – жизни или здоровью личности, ее правам и свободам, собственности, нормальной деятельности учреждений, общественному порядку и т.д.

Названные признаки в полной мере присущи и захвату заложников. Более того, отнесение захвата заложников к числу общепасных преступлений обусловлено и субъективно, поскольку виновные осознают, что целью их действия является не захват заложников сам по себе, а выполнение или невыполнение определенных действий со стороны государства, международной организации,

юридического или физического лица или группы лиц. Личность заложника интересует виновных не столько персонифицированно, сколько как средство давления на определенного адресата. Следовательно, в качестве заложников могут быть любые лица, по тем или иным причинам оказавшиеся на месте совершения преступления.

Способы действия виновных, вероятность для любого члена общества оказаться в роли заложника, многовариантность возможного вреда - всё это отражается на атмосфере общественного спокойствия, порождает у граждан чувство неуверенности в собственной безопасности, неверия в возможности правоохранительных органов. Иными словами, при захвате заложников ущерб причиняется прежде всего отношениям, обеспечивающим безопасные условия жизни общества. Таким образом, родовым объектом рассматриваемого преступления являются отношения общественной безопасности и место нормы о данном преступлении должно быть в системе преступлений против общественной безопасности (глава десятая УК). Тогда социальный смысл захвата заложников как преступления будет очевиден и это даст достаточные основания для отграничения его от смежных составов преступлений. Уточнение места нормы о захвате заложников в системе Особенной части УК позволит иначе взглянуть и на само понятие захвата заложников.

В заключение можно сказать, что XX-XIX вв. оказались особенно богатым как на количество случаев захвата заложников, так и на многообразие целей, которые при этом достигались. Все это обусловлено как наличием двух мировых войн, так и значительным количеством локальных войн и конфликтов в разных частях планеты. Причем тяжесть последствий таких действий постоянно увеличивается, что связано в определенной степени с захватом заложников на воздушном и водном транспорте.

Предлагаю внести в статью 206 УК РФ изменения, касающиеся более строгого наказания за захват заложников, так как в настоящее время участились случаи захвата заложников и много заложников погибает.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативно-правовые акты

1. Конституция РФ [Текст]. – М.: Новая волна, 2014. – 64 с.
2. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1979 г. [Текст] // Сборник международных договоров СССР: Вып. 43. - М., 1989. - С. 103-105.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – 2017.
4. О практике применения судами законодательства об ответственности за взяточничество: Постановление Пленума Верховного суда Республики Казахстан от 22 декабря 1995 г. № 9 [Электронный ресурс] // URL: <http://online.zakon.kz>.
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12 января 2012 г. N 47-011-83 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – 2017.
6. Определение Верховного Суда РФ от 8 сентября 2011 г. N 19-О11-49 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – 2017.

2. Научная литература

7. Абдуллаев, Р. Ф. Пути оптимизации мер борьбы с захватом заложников [Текст] / Р. Абдуллаев // Бизнес в законе. Экономико-юридический. – 2007. - № № 1. – С. 151-153.
8. Амбарцумян, А.С. Некоторые проблемы отграничения захвата заложника от смежных составов преступлений [Текст] / А.С. Амбарцумян // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2009. - № . – С. 60-62.
9. Андреева, Л.А. Квалификация убийств совершенных при отягчающих обстоятельствах [Текст] / Л.А. Андреева. – СПб., 1998. – 222 с.
10. Бавсун, М., Векленко, В. Влияние категории «сопряженность» на квалификацию преступлений [Текст] / М. Басун, В. Векленко // Уголовное право. - 2014. - № 5. – С. 22-26.

11. Бавсун, М.В., Николаев, К.Д. Проблемы юридической оценки преступлений против общественной безопасности, сопряженных с убийством [Текст] / М.В. Бавсун, К.Д. Николаев // Российская юстиция. - 2010. - № 1. – С. 12-13.
12. Безверхов, А. Понятие и виды насилия в уголовном праве России: вопросы правотворчества и правоприменения [Текст] / А. Безверхов // Уголовное право. - 2014. - № 4. – С. 19-22.
13. Безручко, Е. Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России [Текст] / Е. Безручко // Уголовное право. - 2014. - № 5. – С. 23-6.
14. Бриллиантов, В. Похищение человека или захват заложника? [Текст] / В. Бриллиантов // Российская юстиция 1999. - № 9. – С. 43-46.
15. Бриллиантов, А. Насилие и угроза применения насилия при совершении изнасилования [Текст] / А. Бриллиантов // Уголовное право. - 2014. - № 5. – С. 39-43.
16. Боровиков, В.Б. Оценка применения насилия при захвате заложника [Текст] / В.Б. Боровиков // Уголовное право. – 2016. - № 2. – С. 17-22.
17. «Будем мочить самых сочных» [Текст] // Аргументы и факты. – 2002. - № 44. – С. 5.
18. Быков Д., Воронов В. Зюйд-Вест [Текст] / Д. Быков, В. Воронов // Огонек. – 2002. - № 43. – С. 8-11.
19. Бязров, В.Г. Разграничение захвата заложника и похищения человека: вопросы квалификации [Текст] / В.Г. Бязров // Российский следователь. – 2015. - № 1. – С. 22-25.
20. Вахнина, В.В. Захват заложников: проблема и пути решения [Текст] / В.В. Вахнина // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. - № 4. – С. 56-58.
21. Векленко, В., Зайцева, Е. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия [Текст] / В. Векленко, Е. Зайцева // Уголовное право. - 2009. - № 2. – С. 16-19.

22. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права [Текст] / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. – 640 с.
23. Воробьев, А. Похищение человека и захват заложника [Текст] / А. Воробьев // ЭЖ-Юрист. – 2015. - № 36. – С. 19-23.
24. Габибова, Г. Отграничение похищения человека от захвата заложника [Текст] / Г. Габибова // Законность. – 2002. – № 11. – С. 49-51.
25. Гаухман, Л.,. От ответственности за захват заложников и похищение человека [Текст] / Л. Гаухман, С. Максимов, С. Сауляк // Законность. – 1994. - № 10. – С. 43-46.
26. Геррман, И., Пальмиери, Д. Заложники: извечная проблема [Текст] / И. Геррман, Д. Пальмиери // Международный журнал Красного Креста. - 2005. – № 857. - С. 178-190.
27. Геррман, И., Пальмиери Д. Новые конфликты: архаичная современность? [Текст] И. Геррман, Д. Пальмиери /// Международный журнал Красного Креста. Сборник статей. - 2004, - № 7. - С. 25-50.
28. Дубнов, В. Театр военных действий в Москве [Текст] / В. Дубнов // Новое время. – 2002. - № 44. – С. 6-10.
29. Егорова, Н. Совокупность убийства с другими преступлениями: перспективы законодательства и правоприменительной практики [Текст] Н. Егорова // Уголовное право. - 2014. - № 5. – С. 23-26.
30. Ермолович, Я. Вопросы дополнительной квалификации по статьям гл. 16 УК [Текст] / Я. Ермолович // Уголовное право. - 2014. - № 5.- С. 31-33.
31. Ершов, М. Актуальные вопросы квалификации недопущения, ограничения или устранения конкуренции, совершенных с применением насилия или угрозой его применения [Текст] / М. Ершов // Уголовное право. - 2014. - № 5. – С. 36-40.
32. Журавлев, И.А. Захват заложников: исторические корни и современное положение [Текст] / И.А. Журавлев // Закон и право. – 2002. - № 1. – С. 9-11.
33. Иногамова-Хегай, Л.В. Конкуренция и коллизия уголовно-правовых норм [Текст] / Л.В. Иногамова-Хегай // Уголовное право: стратегия развития в XXI

- веке: Материалы VI Международной научно-практической конференции 29 - 30 января 2009 г. - М., 2009. – С. 122-129.
34. Канунникова, Н.Г. Зарубежный опыт правового регулирования противодействия экстремизму и терроризму [Текст] / Н.Г. Канунникова // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2014. - № 3 (29). - С. 163-169.
 35. Канунникова, Н.Г. К вопросу о формировании модели современного «международного» боевика [Текст] / Н.Г. Канунникова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. N 5. С. 241-244.
 36. Канунникова, Н.Г. Теоретические аспекты захвата заложника как составной части терроризма [Текст] / Н.Г. Канунникова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2013. - № 1 (19). – С. 34-38.
 37. Канунникова, Н.Г., Шхагапсоев, З.Л. Захват заложников как способ совершения актов терроризма: понятие и предупреждение [Текст] / Н.Г. Канунникова, З.Л. Шхагапсоев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. - № 2 (36). – С. 67-70.
 38. Канунникова, Н.Г., Шхагапсоев, З.Л. Международный опыт административно-правового обеспечения общественной безопасности [Текст] / Н.Г. Канунникова, З.Л. Шхагапсоев // Армия и общество. - 2014. - № 4 (41). - С. 14-17.
 39. Канунникова, Н.Г., Шхагапсоев З.Л. О некоторых направлениях антитеррористической политики Евросоюза [Текст] / Н.Г. Канунникова, З.Л. Шхагапсоев // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2015. - № 3 (21). - С. 88-93.
 40. Карпец, И.И. Преступления международного характера [Текст] / И.И. Карпец. – М., 1979. – 126 с.
 41. Козаев, Н.Ш., Бязров, В.Г. Похищение человека и захват заложника: вопросы квалификации [Текст] / Н.Ш. Козаева, В.Г. Бязров // Российский следователь. – 2013. - № 23. – С. 22-26.

42. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации: Особенная часть [Текст] / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2016. – 592 с.
43. Комиссаров, В. Захват заложников: Происхождение нормы, вопросы совершенствования [Текст] / В. Комиссаров // Законность. – 1995. – № 3. – С. 43.
44. Комиссаров, В. Захват заложника: Стремление к наживе или преступление от безысходности? [Текст] / В. Комиссаров // Законность. – 1999. - № 3. – С. 17-23.
45. Кузьминов, А. Завершающий этап [Текст] / А. Кузьминов // Солдат удачи. – 2000. - № 4. – С. 4-11.
46. Лапин, И.В. Похищение человека: проблемы определения объективной стороны и отграничения от захвата заложника [Текст] / И.В. Лапин // Уголовное право. – 2016. - № 2. – С. 9-14.
47. Ляхов, Е.Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом [Текст] / Е.Г. Ляхов. – М.: Междунар. отношения, 1979. – 112 с.
48. Мартыненко, Н.Э. Похищение человека: уголовно-правовые и криминологические аспекты [Текст] : Автореферат диссертации / Н.Э. Мартыненко. – М., 1994. – 46 с.
49. Мовлаева, Т.И. Организационно-правовые основы борьбы с захватом заложника [Текст] / Т.И. Мовлева // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2011. - № 3. – С. 184-186.
50. Муцаев, А.Х. О некоторых особенностях захвата заложника и мерах противодействия [Текст] / А.Х. Муцаев // Российский следователь. – 2013. - № 16. – С. 32-35.
51. Наумов, А. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует [Текст] / А. Наумов // Уголовное право. - 2014. - № 5. – С. 4-48.
52. Новиков, А.В., Лопина, М.В. Современное состояние захвата заложников, совершаемого в учреждениях уголовно-исполнительной системы [Текст] /

- А.В. Новиков, М.В. Лопина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-3.
53. Отаров, А.А. История развития норм о захвате заложника в отечественной и зарубежной правоприменительной практике [Текст] / А.А. Отаров // Теория и практика общественного развития. – 2006. - № 4. – С. 69-70.
54. Павлик, М.Ю. Отграничение захвата заложника от смежных с ним составов преступлений по УК РФ [Текст] / М.Ю. Павлик // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2006. - № 1. – С. 26-31.
55. Петров, П.К. Похищение человека и захват заложника вопросы квалификации [Текст] / П.К. Петров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. - 2008. – № 18 (118). - С. 50-54.
56. Попов, А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах [Текст] / А.Н. Попов. - СПб., 2003. – 212 с.
57. Преступления против личности: законодательство и судебная практика (2003 - 2012 гг.) [Текст]: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Б. Боровиков. М.: РАП, 2012. – 200 с.
58. Сборник международных договоров СССР [Текст] : Вып. 43. - М., 1989. – 346 с.
59. Складов, С.В. Захват заложников и его отграничение от похищения человека и незаконного лишения свободы [Текст] / С.В. Складов // Актуальные проблемы общественной безопасности: тезисы всероссийской научно-практической конференции [Текст]. – Иркутск, 1996. – С. 47-48.
60. Стуканов, А. Борьба с преступлениями террористической направленности [Текст] / А. Стуканов // Законность. – 2001. - № 6. – С. 2-4.
61. Титов, Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права [Текст]: учеб. пособие / Ю.П. Титов. – М.: Проспект, 2009. – 472 с.
62. Уголовный закон в практике районного суда [Текст] / Под ред. А.В. Галаховой. - М., 2010. – 244 с.
63. Уголовное право: Особенная часть [Текст] : Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М.:ИНФРА-М-НОРМА, 2017. – 768 с.

64. Уголовное право России [Текст] : Учебник в 2-х томах: Т. 2: Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 762 с.
65. Ушакова, Е.В. Отграничение похищения человека от захвата заложника - вопросы согласования и рассогласования [Текст] / Е.В. Ушаков // Российский следователь. - 2010. - № 9. - С. 23-25.
66. Черных, С.А. Борьба с захватом заложника: отечественный и зарубежный опыт [Текст] / С.А. Черных // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2009. – № 1. - С. 149-152.
67. Черных, С.А. Захват заложника: возмещение вреда, причиненного жертвам преступления [Текст] / С.А. Черных // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2009. - № 1. – С. 188.-192.
68. Черных, С.А. Похищение человека и захват заложника: проблемы уголовно-правовой квалификации [Текст] / С.А. Черных // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2009. - № 1. – С. 218-221.
69. Хлыстов, А.Н. Проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. Ст. 205, 206, 281 УК РФ [Текст] / А.Н. Хлыстов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. - № 4. – С. 137-139.
70. Хоменко, А.Н. Уголовно-правовые аспекты захвата и освобождения заложников :Автореферат диссертации [Текст] /А. Н. Хоменко; Науч. рук. В. В. Бабурин; Министерство внутренних дел РФ. – Омск: Омская академия,2008. – 112 с.
71. Шарапов, Р. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений [Текст] / Р.Шарапов // Уголовное право. - 2015. - № 1. – С. 44-48.
72. Шалагин, А.Е., Гребенкин, М.Ю. Противодействие экстремизму и терроризму: история и современность [Текст] / А.Е. Шалагин, М.Ю. Гребенкин // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. - 2017. - № 1 (3) / том 2 /. – С. 4-9.
73. Яни, П. Сопряженность не исключает совокупности [Текст] / П. Яни // Законность. - 2005. - № 2. – С. 9-11.

3. Материалы юридической практики

74. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 8 февраля 2012 г. N 368-П11 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – 2017.
75. Постановление президиума Ивановского областного суда от 23 ноября 2007 г. N 44-у-152 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – 2017.
76. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Приморского краевого суда от 15 марта 2012 г. по делу N 22-801/2012 [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Приморского краевого суда. URL: http://kraevoy.prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1697423&delo_id=4&new=0&text_number=1&case_id=1036357 (дата обращения: 03.05.2017).
77. Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 декабря 2013 г. N 5-Д13-64 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=570974 (дата обращения: 03.10.2015).
78. Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам от 3 апреля 2014 г. N 78-АПУ14-14СП [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=586896 (дата обращения: 03.05.2017).
79. Справка Кемеровского областного суда от 24 августа 2015 г. N 08-22/666 о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в первом полугодии 2015 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – 2017.
80. Приговор Борзинского городского суда Забайкальского края от 25 августа 2011 г. по делу N 1-100/2011 [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Борзинского городского суда. URL: <http://borzya.cht.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.05.2017).
81. Приговор Верецагинского районного суда Пермского края по делу от 26

- апреля 2011 г. N 187/2011 [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Верещагинского районного суда. URL: <http://veresh.perm.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.05.2017).
82. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам от 14 июля 2009 г. N 81-О09-63 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – 2017.
83. Справка Кемеровского областного суда о практике рассмотрения судами Кемеровской области уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 206, 207, 280, 282 УК РФ от 15 июня 2006 г. N 01-19/336 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – 2017.